АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ

АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. Д.И. ГУЛИА

АБХАЗОВЕДЕНИЕ

ТРУДЫ АбИГИ

Язык
Фольклор
Литература

Выпуск 3

Сухум – 2009

АҬАКЫ
Содержание

АБЫЗШӘА ЯЗЫК

АРДЗИНБА В. Г.
Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков..... 7

ЧИРИКБА В. А.
К этимологии гидронимов *Бзып* и *Мдзымта*..... 21

ХЕЦИЯ А. Д.
Этнологическое описание лексики охоты на куницу у абхазов..... 39

МАЛЛАЕВА З. М.
Этнолингвистический феномен Дагестана..... 56

ЧИРИКБА В. А.
Абхазские заимствования в мегрельском языке..... 64

СУЛТЫГОВА М. М.
История исследования отраслевой терминологии ингушского языка 126

ХАГБА Л. Р.
Культурная семантика концептов «народ» и «родина» в языковом сознании абхазов и абазин..... 134

АРШБА Н. В.
Особенности ударения в отрицательных формах глагола абхазского языка..... 140

КВАРАЦХЕЛИЯ Ш. М.
Языковое отражение ментальных особенностей ребенка *(на примере произведений английской реалистической прозы XIX века)*..... 152

АФОЛЬКЛОР ФОЛЬКЛОР

АБДУРАХМАНОВ А. М.
Типологическая общность формирования и развития сатирического рассказа в фольклоре и литературах Дагестана и Северного Кавказа..... 166

В. А. ЧИРИКБА

АБХАЗСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В МЕГРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Посвящается памяти профессора Георгия Андреевича Климова.

1. Введение[1]

Мегрелы, представители западной ветви картвелоязычного мира,[2] в течение многих веков существуют в условиях тесных и многосторонних культурных, экономических и политических связей с абхазами, народом, говорящим на языке абхазо-адыгской группы северокавказской языковой семьи (второй ветвью ее является нахско-дагестанская группа языков). Территориальная близость этих двух народов подкреплялась нередкой общностью политических судеб Абхазии и Мегрелии, совместно входивших в состав целого ряда государственных образований: как полулегендарного Колхидского царства (в достоверности существования которого, впрочем, у историков имеются серьезные сомнения), так и в уже реально засвидетельствованное царство Лазика, позднее – в Абхазское царство (VIII-X вв. н.э.), а впоследствии – в состав объединенного царства «абхазов и картвелов» вплоть до его распада в XIII в. под натиском монголов. В начале XIX в. Мегрельское (в 1803 г.) и Абхазское (в 1810 г.) княжества вошли в состав Российской империи, а в советский период Абхазия (с 1931 года в качестве Автономной Со-

[1] Я выражаю искреннюю благодарность проф. В. Г. Ардзинба, к.ф.н. Б. Джонуа и проф. Б. Дж. Хьюитту за ценные комментарии и предложения по тексту данной статьи.

[2] Картвельская языковая семья, не родственная северокавказской, включает четыре языка: грузинский, сванский, мегрельский и лазский (только между двумя последними языками возможно взаимное понимание).

ветской Социалистической Республики) и Мегрелия входили в состав Грузинской ССР.

Традицией были династические браки между представителями княжеских домов Абхазии и Мегрелии, т.е. между абхазскими владетельными князьями Чачба (Шервашидзе) и мегрельскими Дадианами. Южноабхазские аристократы нередко владели мегрельским языком, и наоборот, некоторые мегрельские князья знали абхазский. Отражая ситуацию, характерную для начала XIX в., Э. Спенсер в своей книге "Travels in Circassia, Krym-Tartary" писал: "Как выясняется, крестьяне Мегрелии не говорят на черкесском диалекте [подразумевается абхазский. – В.Ч.], которым пользуются лишь князья и дворяне, претендующие на общее происхождение с неукротимыми обитателями Черкесии ..." [Spencer 1838: 308].

Языковая интерференция была особенно интенсивной в зоне непосредственного абхазо-мегрельского пограничья, в Самурзаканской провинции Южной Абхазии (нынешний Гальский район) и в близлежащих мегрельских районах. Население многих населенных пунктов в Самурзакане еще в конце XIX в. было либо двуязычным (мегрело-абхазским), либо по крайней мере понимало абхазский язык. По сообщению [Чарая 2], «В центральных возвышенных частях Самурзакани отчасти, а в западных преимущественно, жители понимают, впрочем, и по-абхазски.» По данным К. Д. Мачавариани, на которые ссылается Л.Г. Лопатинский в своей редакторской сноске на с. 71 в статье [Шухардт 1899], в общинах Бедийской, Чхортольской, Окумской, Гальской, Царчинской слышится абхазская речь, а в Саберии, Отобаие, Дихазургах говорят по-мегрельски.

Ценную картину мегрело-абхазской языковой границы последней четверти XIX века дает в своих «Мегрельских этюдах» [Цагарели 1880: V и след.]. Согласно его исследованию, к северу от Ингура и до р. Эртис-цкали в обществах Саберио, Чубурхинджи, Набакеви, Баргеби и Борбала мегрельский язык служит семейным и разговорным, но среди мужчин в большей или меньшей степени распространено знание абхазского языка. Далее, в селениях Бедиа, Окум, Гал, Мухури, Гудава между реками Эртис-цкали и Охурей, мегрельский язык господствует в семье, но в общественной жизни употребляются в одинаковой степени мегрельский и абхазский (редко можно найти мужчину, который бы не знал или, по крайней мере, не понимал абхазского). Между реками Охурей и Галидзгой абхазский является не только языком общества, но и семьи, здесь говорящие только по-мегрельски женщины и дети являют исключение, а мужчины хотя и не все умеют говорить по-мегрельски,

но понимают его. Единственным местом этой полосы, где мегрельский являлся не только языком семьи, но и общества – это Илори, а к абхазоязычным относятся, в числе прочих, Поквеш и Квезани. Согласно Цагарели, из больше чем четырех тысяч семейств (около 30 тыс. чел.) в Самурзакани приблизительно половина признает абхазский своим родным языком.[1]

Грузинский писатель Д. Кипиани писал, что в Самурзакани язык моды – абхазский, а язык домашний – мегрельский (газ. «Кавказ», 1865, № 83).[2] А по словам [Цагарели 1880: ix], "абхазский язык во всем Самурзакане до последнего времени был языком высшего сословия, – князей и дворян, они этим щеголяли...". Последнее обстоятельство объясняется, в числе прочего, и тем, что феодальный класс в Самурзакани (князья и дворяне) составляли этнические абхазы, представители таких аристократических родов, как Анчабадзе (Ачба), Шервашидзе (Чачба), Званбая (Званба), Маргания (Маан), Эмухвари, Чкотуа, Лакербая (Лакрба) и др.

Динамика воздействия одного языка на другой в различные исторические эпохи была неодинаковой. В целом, можно сказать, что интенсивность абхазского языкового влияния на мегрельский, пик которого приходился, по-видимому, на период существования Абхазского царства, постепенно ослабевала по направлению к нынешнему времени, хотя в мегрельско-абхазской контактной зоне абхазский по-прежнему сохранял свое влияние вплоть до первой четверти XX в. Наибольшее мегрельское влияние на абхазский приходится, по-видимому, на середину XIX – первую четверть XX в., что было обусловлено тем что, в связи с опустением большинства абхазских земель в результате мухаджирства (массовой депортации абхазов в Турцию царской Россией) происходил активный процесс переселения в Абхазию значительного количества мегрелов, который продолжался, с разной степенью интенсивности, вплоть до недавнего времени. Это привело к существенной интенсификации мегрело-абхазских контактов, что отразилось, в частности, и на абхазском лексиконе, усвоившем довольно значительное количество мегрельских слов (в том числе и многие грузинизмы, проникшие в абхазский язык через мегрельское посредство).

Хотя по насыщенности картвельской лексикой из всех северокавказских языков абхазский уступает, пожалуй, лишь бацбийскому, только небольшая ее часть, около 30 лексем, находит свое про-

[1] Цит. по [Шухардт 1899: 73-74].

[2] Цит. по [Ачугба 2006: 11-12].

должение в тапантском диалекте близкородственного абхазскому абазинского языка (предки носителей которого переселились в позднее средневековье из Абхазии на Северный Кавказ) и, таким образом, возводима к общеабхазской эпохе (см. [Chirikba 1996: 101-102]). Такой весьма небольшой объем картвельской лексики в общеабхазском свидетельствует о довольно слабой интенсивности прямых абхазо-картвельских контактов в общеабхазский период (т. е. примерно до XIV в.), причем картвельское языковое влияние ограничивалось почти исключительно лексикой, не затрагивая морфологии или синтаксиса. Лексическое влияние картвельских языков охватывало прежде всего прибрежные области Абхазии, в значительно меньшей степени затрагивая ее горные регионы, причем удельный вес картвелизмов увеличивается с запада на восток, достигая максимума в пограничных абхазо-мегрельских районах с нередким абхазо-мегрельским, и реже мегрело-абхазским двуязычием и уменьшается примерно вдвое в бзыпском диалекте, составляя здесь немногим более ста лексических единиц.

Необходимо отметить, что, если не считать небольшой части картвелизмов, непосредственно возводимых к грузинскому источнику, большая часть картвельской лексики, проникшей в абхазский устным путем, в том числе и основная масса грузинизмов, имеет своим источником или посредником именно мегрельский язык. С другой стороны, следы контактов абхазского со сванским, вопреки бытовавшим ранее представлениям относительно смешанного абхазо-адыгско-картвельского характера сванского, напротив, не столь явно ощутимы (хотя см. [Topuria 1967: 69-70], [Hewitt 1992: 245-246]). Иная ситуация сложилась в советское время, после включения Абхазии в Грузию в 1931 г., когда в литературный абхазский язык было введено определенное количество грузинской лексики.

Вопрос о мегрельском языковом влиянии на абхазский изучен уже довольно неплохо благодаря работам [Чарая 1912], [Генко 1928], [Schmidt 1950], [Бгажба 1964], [Cik'olija 1969], [Lucassen 1980], [Шагиров 1989], [Джонуа 2002] и др. В то же время вопрос о влиянии абхазского языка на мегрельский не получил до сих пор должного освещения. Это не означает, разумеется, что данная проблематика вовсе не затрагивалась исследователями. Целый ряд абхазских лексических заимствований в мегрельском отметил в своей грамматике и словаре мегрельского языка И. Кипшидзе.[1] Интересной с исторической точки зрения представляется

[1] Хотя на с. XX своей грамматики Кипшидзе отмечает, что заимствований из абхазского в мегрельском «весьма мало», утверждение это явно не соответству-

описанная в [Цагарели 1880: viii-ix] картина языковой ситуации, характерной для абхазо-мегрельского пограничья второй половины XIX в. Ряд наблюдений с точки зрения исследуемой проблематики принадлежит Н.Я. Марру (см. [Марр 1915: 214-215; 1938]; см. также заметки Марра в [Чарая 1912]). Впоследствии некоторые аспекты данной тематики рассматривались в работах [Чикобава 1942], [Рогава 1942], [Гудава 1947], [Ломтатидзе 1956], [Cik'olija 1977], [Климова 1971; 1986], [Дзидзария 1987; 1988; 1989; 2000], [Hewitt 1992; 1992a], [Гублиа 2002] и некоторых других авторов. См. также [Чирикба 1998].

В данной статье рассматриваются фонетические особенности абхазских заимствований в мегрельском, а также дается этимологический анализ мегрельских абхазизмов. Весьма коротко затрагиваются также вопросы возможного влияния абхазского в области мегрельской морфологии и синтаксиса, поскольку эти интересные темы заслуживают специального рассмотрения. Анализируемый ниже мегрельский материал абхазского происхождения представляет собой как апеллативную, так и, в меньшем объеме, ономастическую лексику. Существенная его часть была уже отмечена в специальной литературе, другая же часть дополнительно выявлена мною. Основными источниками по мегрельскому языку послужили уже упомянутый словарь И. Кипшидзе [Кипш], новый большой трехтомный мегрельско-грузинский словарь О. Каджая [ОК I, II, III], работы А. Цагарели, П. Чарая и некоторых других авторов, а также собранный мною полевой лексический материал. Мегрельские лексемы по возможности проверялись мной у носителей обоих мегрельских диалектов (т.е. сенакского и зугдидско-самурзаканского).

Абхазские заимствования образуют определенный пласт в мегрельском словаре и составляют несколько тематических групп. Самая большая группа представлена сельскохозяйственными терминами, лексикой животноводства и производства молочных продуктов. Второй по объему группой является терминология, относящаяся к домашнему хозяйству и быту. Затем следуют названия растений, слова, относящиеся к религиозной сфере, названия частей тела, природных объектов, характеристика качеств человека, лексика мореходства и т.д. В качестве абхазских заимствований я рассматриваю также слова, которые в самом абхазском ранее были заимствованы из других языков, как, например, мегр. bžak'e 'борода', dagva 'глухой', uro 'деревянный молот' (в абхазском все из адыгских), naxut//naxuto//naxwta 'узда' (в конечном

ет реальной картине, на что деликатно намекает в своей рецензии [Марр 1915: 215].

счете из тюркских, но в абхазском, по-видимому, через адыгские), činori ‘наемный пастух’ (в конечном счете из иранских).

Большинство анализируемого в данной работе материала было обсуждено с проф. Г. А. Климовым в Москве, во время работы в секторе кавказских языков Института Языкознания АН СССР, а также несколькими годами позже, во время Седьмого Кавказского Коллоквиума в Марбурге (в 1994 г.). Все его замечания были мной полностью учтены. Я посвящаю эту статью Георгию Андреевичу как дань моего глубокого уважения к памяти этого великого ученого, рядом с которым мне посчастливилось работать и общение с которым дало так много для моего становления в качестве лингвиста-кавказоведа.

2. Ареальные черты в фонетике

Фонемные инвентари абхазского и мегрельского языков представляют разительный контраст как с точки зрения вокализма, так и консонантизма. Можно назвать лишь несколько черт, общих для фонологических систем обоих языков, главным из которых являются трехрядная консонантная оппозиция “звонкий-глухой-глоттализованный” и сравнительная простота системы сонантов. Однако все эти черты характерны для большинства коренных кавказских языков. Основным отличием в консонантизме является то обстоятельство, что большинство абхазских шумных согласных обладают тембровой корреляцией палатализации и лабиализации, отсутствующей в мегрельском и других картвельских языках. С другой стороны, абхазский вокализм содержит только две фонемы, различающиеся по степени открытости (a ~ ə), тогда как в мегрельском пять гласных фонем (некоторые авторы рассматривают шва в качестве шестого мегрельского гласного, см. [Имнадзе 1971: 6]).

Несмотря на столь существенные различия в фонемных инвентарях, между контактирующими мегрельскими и абхазскими изолектами наблюдается некоторая взаимная фонетическая “аккомодация”, выражающаяся в адаптации артикуляционных черт, изначально присущих лишь одному из контактирующих языков. Так, в соседствующем с мегрельским абжуйском диалекте абхазского произошло упрощение некоторых первоначальных фонемных контрастов: слияние средних и передних простых сибилянтов (ź ś > z s, ʒ ć ć’ > ʒ c c’), а также фарингализованных и простых увулярных спирантов (x̲ x̲° > x x°), тогда как все эти фонемы все еще сохраняются в бзыпском диалекте. В пограничных с мегрельским абхазоязычных зонах мегрельское язы-

ковое влияние выражается во фразовой интонации, в смягченном произношении латерального сонанта l ; а также в значительном числе мегрельских лексических заимствований и в абхазо-мегрельском двуязычии.

С другой стороны, отмечается очевидное абхазское влияние на произношение мегрельских звуков, усиливающееся в зонах непосредственного контакта. Это особенно характерно для самурзаканского говора мегрельского (что неудивительно, ввиду этнически смешанного, абхазо-мегрельского, происхождения большей части его носителей), несколько меньше в зугдидском говоре и еще меньше в сенакском диалекте, более отдаленных от Абхазии и испытывающих влияние западногрузинских диалектов. Эти особенности мегрельской речи были отмечены еще [Чарая 2], который писал, что «в Самурзакани же говорят на мингрельском наречии, в фонетическом отношении весьма прибли-жающемся к абхазскому». Согласно [Чарая 59], «Сванский язык и самурзаканский говор мингрельского языка представляют переходную ступень от грузинской звуковой системы к абхазской. И в сванском, и в мингрельском есть звук ə, играющий большую роль в абхазской фонетике <...>. Звук l в мингрельском языке произносится очень мягко, мягче, чем в грузинском; в Самурзакани же он произносится очень твердо, совершенно так, как в абхазском» (см. также [Цагарели 1880: 9, 18], [Кипш 012-013]). Вполне вероятно, что мегрельский заимствовал звук шва из абхазского и, как я уже отметил выше, некоторые авторы рассматривают его в качестве шестой гласной фонемы мегрельского языка.

Абхазскому влиянию можно было бы приписать также расщепление гласного o на дифтонг va [wa] в ряде слов в зугдидско-самурзаканском говоре мегрельского, ср. сен. kora : зугд.-самурз. kvara ‘живот’, сен. gola : зугд.-самурз. gvala ‘гора’ ([Кизириа 1967: 63]), что напоминает такой же процесс в абхазском, в котором отсутствует гласная фонема o (хотя сходный процесс засвидетельствован и в некоторых грузинских диалектах). Ср. также отмечающийся в словарях перебой o ~ va [wa] в таких мегрельских словах, как čikovani//čikvani, xorava//xvarava (фамильные имена), q’varani//q’orani ‘ворона’, а также мегр. ečva < груз. ečo ‘топорик’. Другим примером возможного влияния абхазской фонетики является отмечающаяся в зугдидско-самурзаканском говоре тенденция к элизии конечных гласных (напр. doɣur < doɣuru ‘он умер’, do?vil < do?vilu ‘он убил’), что сравнивается [Cik’olija 1975: 47] со сходными процессами в абхазском.

3. Фонетический анализ абхазских заимствований в мегрельском

(1) Вокалические соответствия.

Наблюдаются как регулярные, так и спорадические соответствия между гласными в заимствованных из абхазского мегрельских словах и в их абхазском первоисточнике.

В зависимости от соседнего согласного, один и тот же абхазский гласный может отражаться в мегрельском различным образом.

(1.1.) В отличие от обычного соответствия абх. а > мегр. а, ср. такие случаи, как:

абх.		мегр.	
а	>	u	: абх. *Aq*ʷ*a* > мегр. *Aq'u* 'Сухум' (под влиянием лабиализованного qʷ); a-š′xa-rə-ž′ > šxuriči 'дикий виноград'
а	>	e	: абх. h-taca > мегр. xateci '(наша) невестка', a-pha > xe 'дочь' (в женских фамилиях), a-č′amək^{o}a > čemkwa 'вид молочного блюда', a-xč'at > xeč'eti 'сливки', a-ha-č″č″a > xeč'eč'i 'сорт груши'. Наряду с другими возможными причинами, передача абхазского а через е в мегрельском может быть объяснена несколько передней артикуляцией абхазского гласного
а	>	o	: этот процесс характерен в основном для финальной позиции: абх. a-wəra > мегр. uro 'деревянный молот', a-xač″a > xač'o 'творог', a-k'(a)k'ara > k'ak'aro 'чаща'; ср. также абх. ak'ə < *(j)ak'a 'один' > лаз. ak'o 'однажды'

(1.2.) Абхазский гласный ə может либо сохраняться в мегрельском, либо изменяться в другие гласные:

абх.		мегр.	
ə	>	i	: абх. a-nəš′ > мегр. niši 'лодка', k'əla > k'ila преверб 'через, сквозь', a-nəga > niga 'деревянный подойник', a-c'əc'əndra > c'ic'indera 'земляника', a-təγ′ > tiγi 'баран'; эта субституция особенно часто наблюдается в сенакском диалекте

ə > u : абх. aapən > мегр. apuni ‘весна’, a-ləg > luga ‘глупец’, napər-nəxa > napurnaxa ‘имя божества’, a-pəčxa > pučxa ‘крошка’

ə > a : napər-nəxa > napurnaxa ‘имя божества’

ə > ø : абх. a-č′amək°a > мегр. čemkwa ‘вид молочного блюда’

(1.3) Иногда финальные гласные, присутствующие в мегрельских заимствованиях из абхазского, но отсутствующие в современных абхазских формах, могут, по-видимому, указывать на более старое абхазское состояние, ср. абх. a-təp > мегр. tipu//təpə ‘летняя стоянка пастуха’, абх. a-x°až° ‘рододендрон’ (общеабх. *q°aź°ə) > мегр. xozo в xozo-k’vari ‘ритуальная лепешка’, абх. a-ləg > мегр. luga ‘глупец’ (> груз. lungi; к общеабх. *ləga ?). Что касается неконечных гласных, см. ниже под k’ak’ara/o и xeč’eč’i.

(1.4.) Сохранение начального a-.

Мегрельский заимствовал абхазские слова либо с артиклем, оформляющем так называемую “словарную” форму имен, либо, чаще, без него, хотя количество слов, заимствованных с артиклем довольно велико (около 30 лексем). Иногда встречаются параллельные формы как с артиклем, так и без него, ср. абх. a-xk’aara ‘ограда для скота’ > мегр. xek’ara//axk’ara ‘временное пастушье стойбище’. Мегрельский также сохраняет абхазской корневой начальный a-, как например в ak’a ‘один (раз)’ (также лаз. ak’o ‘однажды’) < абх. ak’ə < *jak’a ‘один’, aγwiri ‘уздечка’ < абх. aγ°ra, ašwamk’jad (самурз.) < абх. aš°ə-mk’’at ‘маленький столик’.

(1.5.) Изменения в дифтонгах.

(а) абх. aa > мегр. a.

Мегрельский избегает зияния в абхазских словах с вокалическим дифтонгом aa (фонетическая реализация звонкого фарингала ʕ) путем его монофтонгизации:

абх.		мегр.	
aapən	>	apuni	‘весна’
a-xk’aara	>	axk’ara	‘ограда для скота’
a-xaac’a	>	xac’a	‘закваска’

Ср. также вставку эпентетического v в фамильном форманте -aa//-ava.

(б) абх. аа : мегр. γ.

В нескольких случаях современному абхазскому аа соответствует мегрельское γ, что отражает более старую фонетическую форму аа, а именно *ɦ, сохраняющегося в абазинском, ср. абх. *M*аан (< **M*аɦан) > мегр. *M*аrγан-ia 'дворянское фамильное имя' (с эпентезой -r- и добавлением обычного мегрельского фамильного суффикса -ia), абх. аанда > мегр. γанда 'ограда'; ср. также мегр. арχаза 'абхаз', через *абγаза < *абазγа, из др.-абх. *абаз(а)-ɦа (см. ниже).

(в) Изменения в передаче других дифтонгов:

абх.		мегр.	
aw [ow]	>	ou, ū, u	: абх. abawra [abowra] > мегр. aboura, abūra, ambura 'хлев'
aj	>	e	: абх. ajla(r)ǯ' > мегр. ela(r)ǯi 'мамалыга, сваренная со свежим сыром'
aj	>	ø	: абх. ajkʷaγa > мегр. k'vaγa 'маленький топорик' (однако см. ниже,в 4.2.)

(2) Консонантные соответствия.

(а) Палатализованные согласные.

Как простые, так и палатализованные абхазские задние сибилянты передаются в мегрельском посредством (фонетически смягченных) простых задних сибилянтов.

Абхазские палатализованные велярные смычные меняются на простые смычные с переносом палатализованного тембра согласных на соседние глас-ные. Так, последовательность /C'a/ (где C обозначает любой согласный) дает в мегрельском комбинацию /Ce/:

абх. /C'a/	>	мегр. /Ce/	
a-žakʷa	>	bžak'e	'борода'
a-qʷat'ama	>	γetama	'шкворень ярма'
a-ck'a bzəja '(ритуально) чистый (и) хороший'	>	ckebzi	'ритуальный сыр'

Последовательность /C′ə/, фонетически [C′i], передается как /Ci/:

абх.		мегр.	
a-k'ač"əč"	>	k'ač'ič'i	‘сорт мелкого винограда’
a-pš′ərha	>	apširha	‘деревянная посуда для хранения кислого молока’

(б) Лабиализованные согласные.

Лабиализованные согласные, которые отсутствуют в мегрельском, обычно передаются через последовательность /Cv/, либо /Cu/:

абх. /C°a/	>	мегр. /Cva/ :	
a-dag°a	>	dagva	‘глухой’
a-maž°a	>	mazva	‘тесто’
a-g°arta	>	agvarta	‘стадо’
a-max°ar	>	maxvari	‘рука’
a-k'°adac	>	k'vadaci	‘облепиха’

Последовательность /C°ə/, в случае велярных и поствелярных смычных, фонетически реализуемая как [C^{w}u], произносится в мегрельском как /Cu/:

K°əǯ′maxan > Guǯmaxan ‘муж. имя’.

Слова с конечными лабиализованными согласными передаются посредством финальной последовательности “простой согласный плюс огубленный гласный”:

абх.		мегр.	
a-x°až°-k'°ak'°ar	>	xozo-k'vari	‘ритуальная лепешка’
a-bac°	>	bacu	‘мушмула’

(в) Другие субституции согласных:

абх.		мегр.		
j°	>	v	: абх. *N*aj°ej	> мегр. *N*aveia ‘муж. личное имя’

q″ >	γ, x	: абх. a-q″at'ama	> мегр. γetama 'шкворень ярма'
		абх. a-bacq″a	> мегр. pacxa 'плетенка, плетеная хижина'
q$^{\circ}$ >	ʔu	: абх. *A*q$^{\circ}$a	> мегр. *A*ʔu 'Сухум', абх. *B*ataq$^{\circ}$a >мегр. *B*ataʔua 'муж. имя'

(г) Абх. глухой эмфатизованный фарингал h [ħ] в мегрельском обычно заменяется на увулярный x, ср. абх. a-hata > мегр. xarta 'бурдюк', h-taca > xateci//xaceci 'невестка', -pha 'дочь' > xe 'женский фамильный суффикс'. В нескольких случаях абх. h соответствует кластер в мегрельском, ср. абх. a-č'amha > мегр. čamhwa//čamkwa (также čampa) 'клен'. В этом случае, имея в виду общеадыг. *pxa 'древесина', предположительно родственное абх. -mha (сохранившемуся в сложениях, см. [Шагиров 1982: 79]), причина наличия в мегрельском кластера остается неясной.

(3) Эпентетические звуки.

Наличие эпентетических звуков, в основном сонорных, весьма характерно для мегрельского и лазского языков. Ср. следующие примеры с наращениями в заимствованиях из абхазского: абх. abowra > мегр. ambura 'хлев', a-xaga > xanga 'сумасшедший', a-hata > xarta 'бурдюк' (> груз. xalta), a-xc'ara > x(ə)nc'(a)ra 'метить скот' (> сван. xənc'ərа), a-t'ama > мегр. at'ama > лаз. ant'ama, ant'arma, at'amba (см. также имерет. art'am-i, осет. alt'ami) 'персик', абх. a-ʒəjk$^{\circ}$a < мегр. ʒikva//ʒirkva 'штаны'. Ср. также эпентетическое v в -a-va суффикс фамилий.

(4) Консонантные комплексы.

(а) Субституция согласных в кластерах:

абх. jt	> мегр. nt	: абх. *A*jtar > мегр. *A*ntari 'имя божества'
абх. nd	> мегр. nd/md	: абх. a-c'əc'əndra > мегр. c'ic'indera// c'ic'imdera 'земляника'
абх. ms	> мегр. mc//nc	: абх. a-x$^{\circ}$amsa 'рододендрон кавказский' > мегр. xvamca, xvanca 'остролист, падуб'

(б) Упрощение кластеров.

Абхазские консонантные комплексы обычно упрощаются в мегрельском путем вставки гласного (ə, i, e, a).

Начальные кластеры:

абх.		мегр.	
a-bgəʒər	>	bəgəʒəri	‘кизил’
a-xk’aara	>	xek’ara//axk’ara	‘ограждение для скота’
a-xraʒaga	>	xəraʒaga//xiraʒaga	‘деревянная молочная цедилка’
a-xc’ara	>	xnc’ra//xənc’ara	‘метка скота’
a-xč″at’	>	xeč’et’i	‘сливки’
h-taca ‘наша невест(к)а’	>	xateci	‘невестка’
a-č′nər	>	činori	‘наемный пастух’
a-k’k’ara	>	k’ak’ara	‘чаща’ (если здесь не сохранение исходного полногласия абхазской формы).

Неначальные кластеры:

абх.		мегр.
a-hač″č″a ‘дикая груша’	>	xeč’eč’i (сенак.) ‘поздний сорт груши с мелкими плодами’
a-c’əc’əndra	>	c’ic’indera//c’ic’imdera ‘земляника’
aγ°ra	>	aγviri ‘узда’

Ср. также элизию одного из компонентов кластера в -хе суффикс женских фамильных имен < абх. -pha ‘дочь’.

(5) Метатеза.

Этот процесс весьма обычен в мегрельском и наблюдается как в исконных, так и в заимствованных словах. Можно отметить две структурные разновидности метатезы:

(а) $C_1C_2 > C_2C_1$:

абх.		мегр.
a-pra ‘парус’	>	apra// > arpa ‘балка-матица’

a-xra > axra// > arxa ‘скала; холм; крутая гора’
a-bgəʒər > bəgəʒəri// > bʒgiri ‘кизил’

(б) Другой разновидностью метатезы является изменение структуры типа *(V)CVCCV* в структуру *(V)CCVCV*:

абх. > мегр.

a-g°arta > agvarta//argvata ‘стадо, толпа’

Ср. сходные преобразования в словах заимствованных из грузинского: kupri > kupri//krupi ‘темнота’, karva > karva//krava ‘янтарь’, okro > vrke ‘серебро’. Ср. также мегр. margali из исходной формы *magral-i (груз. megrel-i) ‘мегрел’, xrabi ‘жадный’ из xarbi и т.д.

Распространенность в мегрельском метатезы типа *(V)CVCCV > (V) CCVCV* позволяет объяснить происхождение мегрельского этнического термина apxaza ‘абхаз’: из др.-абх. формы мн.ч. *abaz(a)-ɦa (*abaza ‘абаз’[1] + -ɦa суффикс множ. ч. класса человека), откуда мегр. *abazγa и с метатезой – *abγaza, а затем, с оглушением срединного комплекса,[2] и современная форма apxaza. Эта видоизмененная мегрельская форма была усвоена в грузинский с утратой конечного -a (мегр. apxaza > груз. apxaz-i), так же как мегр. (из абх.) at’ama ‘персик’ дало груз. at’am-i. Груз. apxaz- было заимствовано в русский и другие языки. С другой стороны, др.-абх. *abaz(a)-ɦa явилось источником для среднегреческой формы abazg-oi ‘абазги’.

4. Лексико-этимологические комментарии

4.1. Обратные заимствования.

Иногда в абхазском отмечаются обратные заимствования слов, ранее усвоенных мегрельским из абхазского. Такими словами являются обозначение плетеной хижины (a-pacxa), сухих веток (a-pacx′), крошки (a-pəč′xa); см. ниже под pacxa и pučxa. Другим примером обратного заимствования является, по-видимому, абж. a-γ′at’ama ‘шкворень ярма’. Исходная форма, скорее всего, представлена в бзыпском диалекте

[1] *Абазы* – одно из древнеабхазских племен, известных по греческим источникам как *абазги*.

[2] Для колебания в мегрельских кластерах по звонкости/глухости ср. также bšapa ~ pšapa ‘наполнение’, bšxu ~ pšxu ‘толстый; большой’, abšil-uri ~ apšil-uri ‘*апсильский’ и т.д.

(a-q″at'ama), тогда как абжуйская форма с начальным γ′- может указывать на заимствование из мегр. (зугд.-самурз.) γetama 'шкворень ярма' (в мегрельском отсутствует согласный q″). Абхазское слово, как предложил Х. Бгажба [БД 225], связано с ад. q°ətame, каб. q'°ədame 'шкворень ярма' (< общеадыг. *q̄°ət̄ama).

4.2. Близость к абазинским формам.

Интересно, что ряд заимствований в мегрельском фонетически больше напоминают северные, т.е. абазинские, нежели южно-абхазские формы. Ср. мегр. k'°aγa 'маленький топорик', которое формально ближе к тап. k'°aγa 'то же', чем к абж. ajk'°aγa, бзып. ajk'°aγ. Ср. с этой точки зрения также мегр. pacxa 'укрытие из ветвей; плетеная хижина' с ащх., тап. bacq″a 'плетенка', bzi в мегр. ckebzi 'ритуальный сыр' с тап. bzij vs. абх. bzija 'хороший'. Эти и некоторые другие факты могут указывать на то, что, вопреки общепринятому (в основном, в исторической литературе) мнению, согласно которому предки абазин-тапанта мигрировали на Северный Кавказ с территории Западной Абхазии (где исторически зафиксирован исконный для этого региона садзский диалект абхазского, напрямую не связанный с тапантским), представляется более вероятным, что они проживали прежде именно в юго-восточной части Абхазии, на территории либо древней Миссиминии (ущелье реки Кодор, историческая провинция горной Абхазии Дал-Цабал), либо Апсилии (которая включала территорию современного Гальского района Абхазии), т.е. в любом случае в непосредственном соприкосновении с мегрелоязычным ареалом. Можно предположить, что именно оттуда, из Южной Абхазии, предки тапантовцев перешли приблизительно в XIII-XIV вв. через Клухорский перевал на северокавказскую равнину, богатую землей и пастбищами, где их потомки живут и по сей день. Интересно в этой связи отметить, что тапантский диалект имеет такие мегрельские заимствования, которые отсутствуют как в бзыпском (т.е. в центральном), так и в садзском (западном) диалектах абхазского, ср. тап. ka 'да', абж. ko < мегр. ko 'да'.

5. Морфология

Абхазское влияние на мегрельский не ограничивалось лишь словарем, явные следы его сохранились также в морфологии. Я не буду здесь вдаваться в детали этой интересной темы, поскольку она заслуживает специального рассмотрения и упомяну лишь наиболее интересные результаты исследований в этой области.

Мегрельско-лазский и абхазский обнаруживают явные параллелизмы в категориях потенциалиса и взаимности ([Климов 1971: 258]). Разветвленная система превербов в мегрельском весьма близка к абхазской и отличается в этом отношении от родственных языков, в которых система превербов не столь сильно развита. Многие авторы указывали не только на структурные сходства мегрельских и абхазских глаголов с превербами, но порой на их материальную идентичность. Так, [Марр 1915: 214] в своей рецензии на мегрельскую грамматику И. Кипшидзе, указывал на абхазское происхождение мегрельских превербов k'ila-//k'əla- 'сквозь (отверстие)', a-l-//-la-//i-la 'сбоку, рядом' (повторено А. Шанидзе, см. [Чикобава 1942: 155]), ak'o-//ik'o-//ok'o- 'вместе, взаимно, с'. Марр полагал также заимствованный характер мегрельского преверба ta-//to- 'внутри', ср. аналогичный абхазский преверб ta- (цит. по [Чикобава 1942: 155]). [Чикобава 1942: 151-152] полагал, что мегрельские превербы c'a- 'вниз(у)', k'a- 'на', no- 'там', to- 'внутри', la- 'внутрь', не имея параллелей в грузинском и сванском, были заимствованы из абхазского. [Гудава 1947], в свою очередь, считал, что мегрельский направительный суффикс -x заимствован из абхазского (см. ниже). Согласно С. Джанашиа, мегрельский заимствовал подчинительный суффикс -ni из абхазского деепричастного суффикса -nə ([Džanašia 1959: 226]), а Дж. Хьюитт предполагает абхазское происхождение мегрельского форманта ирреального наклонения -k'o(n)i) ([Hewitt 1992a]).

Хотя мнение об абхазском происхождении некоторых из названных мегрельских аффиксов следует рассматривать с осторожностью, так как не исключено их исконно картвельское происхождение, ряд этих формантов может на самом деле оказаться заимствованными из абхазского, что особенно очевидно в случае преверба k'ila-//k'əla- 'сквозь (отверстие)' и второй части направительного суффикса -ša-x(i/ə) 'по направлению к'.

Другим возможным примером абхазского влияния является категория эвиденциальности (заглазности): большое количество эвиденциальных форм в мегрельском контрастирует с их более ограниченным употреблением в родственных языках, но находит прямую параллель в абхазском, который обладает разветвленной системой эвиденциальных форм (см. [Chirikba 2003: 267]).

6. Структурные кальки

Структурные модели некоторых мегрельских идиом буквально совпадают с соответствующими композитами в абхазском (а иногда и в

родственных ему западнокавказских языках), ср. мегр. nina-dačxiri, абх. a-mca-bz 'пламя', в обоих языках букв. 'язык огня' (ср. имеющие такую же структуру каб. maf'e bzəj, убых. məǯ'a bźa 'то же').

Дж. Хьюитт указывает на особенности структуры мегрельского выражения 'бочка полная вином', где 'бочка' стоит в генитиве, что отличается от соответствующего грузинского выражения (где 'бочка' стоит в номинативе) и сближается с абхазским, который в подобной конструкции использует послелог с притяжательным префиксом. Хьюитт усматривает здесь кальку с абхазского ([Hewitt 1992a: 405]).

Некоторые из примеров мегрело-абхазских структурных параллелей имеют свое продолжение также в лазском, ареал распространения которого в настоящее время не соприкасается с абхазским, будучи отделенным от него западногрузинской и мегрельской речью, что может пролить определенный свет на лингвистическую географию древних времен, когда абхазский и лазский были непосредственными соседями. Так, лазское k'ai oc'k'ert'u 'он(а) любил ее/его' (букв. 'он(а) ее/его хорошо видел') находит прямую структурную параллель в абх. bzəja dəjbon то же, на такой же модели основана структура глагола 'любить' в адыгском и убыхском, но не в картвельских языках.[1]

7. Синтаксис

Специалисты отмечают ряд синтаксических черт в мегрельском, которые выпадают из общекартвельской синтаксической модели и могут быть обязаны влиянию абхазского яыка. Так, согласно М. Циколия, такие специфические черты мегрельского предложения, как порядок его членов, специфическая синтаксическая конструкция двух контактирующих глаголов с суффиксом -ni 'когда', употребление некоторых наречий и послелогов, наличие конструкции, идентичной абхазскому словосочетанию, включающему в себя инфинитный глагол с обстоятельственной частицей и т.д., в ряде случаев стоят ближе к абхазскому, чем к грузинскому или сванскому, что, по мнению Циколия ([Cik'olija 1977: 96]) является результатом долговременных контактов абхазского с мегрельским. Ср. особенно приводимую [Циколия 1987: 58] близость мегрельских послеложных конструкций к соответствую-

[1] [Климов 1986: 183], отмечая, со ссылкой на Гамкрелидзе и Мачавариани, данную параллель, приводит семантически несколько более далекий лазский пример, усматривая в лазском кальку с абхазского; на приводимую в данной статье более точную лазскую параллель абхазскому в текстах опубликованных Ж. Дюмезилем мне указал Рене Лакруа (устн. сообщ.).

щим абхазским: абх. abaaž° dantəc' aš′tax′ jəq'ajc'ašaz jəx°əcəjt' 'после того как он вышел из старого замка, он стал думать что делать дальше', ср. мегр. ǯixaše gitiləni uk'uli ipikrə mu ak'etasəni 'то же', где прямо повторяется абхазская синтаксическая модель.

Интересно, что аналоги абхазским конструкциям с послелогом в значении 'потом, после' обнаруживаются не только в мегрельском, но и в лазском. В лазском эта конструкция также образуется с помощью морфемы -k'ule, которой предшествует генитивный суффикс -š, ср. лаз. ondγe(r)-i-š-k'ule 'после обеда', oxor-ša mo-p-ti-š-k'ule 'после того как/когда я пришел домой'. Грузинский, в отличие от мегрельского и лазского, в этом случае использует наречия roca, rodesac: roca saxls mivuaxlovdit 'когда мы пришли домой', roca is dabrundeba 'когда он вернется'. Элемент k'ule в занских языках (который встречается также в наречии: лаз. e-k'ule, мегр. u-k'uli 'потом, затем, после') является производным от k'ule 'след', родственном груз. k'val-i 'то же'. В грузинском k'val-i не используется в такой функции, но в абхазском мы находим аналогичное употребление слова a-š′+ta 'след' в составе послелога a-š′+ta[-a] x′ (букв. «его-след-по направлению»): d-an-ca-[a+]š′+ta+x′ 'когда/после того как он ушел', d-anə-z-ba a+š′+ta+x′ 'когда я увидел его/ее' и т.д. Ср. также наречие a-š′+ta+x′ 'после, затем' (*š′+ta-a+x′ə, букв. 'к следу'), параллельное u-k'uli//e-k'ule в мегрельском и лазском. В тапантском диалекте абазинского тот же элемент š′+ta, в фонетически упрощенной форме ta, используется для образования деепричастий прошедшего времени, ср. d-ca-ta < d-ca-š′+ta 'он(а) уйдя', т.е. 'после того как он(а) ушел/ушла', s-č'°a-ta < s-č'°a-š′+ta 'я сев' и т.д., тогда как в ащхарском диалекте эта же морфема известна в форме -š′a, ср. d-ca-š′a 'он(а) уйдя', s-t'a-š′a 'я сев'. Приводя в своих работах ([Hewitt 1987: 248, 260; 1992; 1992a; 2001]) интересные факты возможного влияния абхазских синтаксических моделей на мегрельский, Дж. Хьюитт ([Hewitt 1992a]) также объясняет наличие в мегрельском нетипичной для картвельских языков постглагольной маркировки подчинения влиянием абхазского языка; более того, как мы видим из приведенных выше данных, аналогии абхазским синтаксическим моделям обнаруживаются и в лазском.

Ниже представлен заимствованный мегрельским из абхазского материал, разбитый на рубрики: грамматические элементы, апеллативная лексика, ономастика. Большинство из рассматриваемого материала имеет надежную абхазскую этимологию, что указывает на направление заимствования, менее надежные сравнения оговариваются.

8. Грамматические элементы

8.1. Превербы

k'əla-//k'ila- преверб со значением 'сквозь (дыру, отверстие)', напр. (зуг.-самурз.) k'ile-b-le 'я пройду сквозь дыру, отверстие'.

Из абх. k'əla- транслятивный преверб 'сквозь (дыру, отверстие)' ([Džanašia 1959: 226], [Чикобава 1942], [Чирикба 132, 139]); ср. также существительные a-k'əl+aa-ra//a-k'əl+ha-ra, a-k'əl+c°a-ra 'дыра, отверстие'. [Чарая 27] рассматривал мегрельский и абхазский превербы как связанные генетически. Ср. его примеры полного параллелизма в обоих языках:

абх.	мегр.	
a-k'əl-ca-ra	k'əla-ra?ua	'выгонять'
a-k'əl-pa-ra	k'əla-sxap'ua	'выпрыгивать'
a-k'əl-pər-ra	k'əla-purinua	'вылетать'
a-k'əl-da-ra	k'əla-dvala//k'əla-rγvapa	'продевать сквозь'
jə-k'əl-sə-jt'	k'əl-ed	'вышел, появился'.

Ср. также абх. a-k'əl-pš-ra, мегр. k'ila-ǯina 'подглядывать (в/сквозь дыру, отверстие)'. Элемент k'ila-//k'əla- используется не только при глаголах, но также и в отглагольных именах, ср. мегр. k'ila rvili ǯa 'дупло дерева' (букв. 'насквозь продырявленное дерево'), k'ila-xit'onili 'выдолбленное, прорытое сквозь', k'ila-xixonili 'то же' и т.д.

8.2. Послелоги

-x//-xi//-xə послелог 'до'; обычно в сочетании с послелогом -ša, напр. ?ude-ša+x(ə/i) 'до дома', γura dγa-ša+x 'до дня смерти', zugidi-ša+x 'до Зугдиди'.

Из абх. направительного послелога -ax'(ə) 'по направлению к' ([Гудава 1947]), ср. a-bna-[a-a]x' 'к лесу', a-j°na-[a-a]x'ə 'к дому/в доме'. Первая часть мегрельского сложного суффикса -ša-x имеет лазскую параллель, ср. лаз. k'oči-ša 'по направлению к человеку', oxo(r)i-ša 'по направлению к дому'. Но и вторая часть может соответствовать лазскому направительному суффиксу -xa 'к, в направлении к'. Не вполне ясно, относится сюда же и лазский суффикс -ša-xa, означающий 'как, подобно', возможный когнат мегрельскому -ša-x 'по направлению к', ср.

лаз. baba škimi-ša-xa ‘подобный моему отцу’, hama-ša-xa ‘подобно этому’ ([Марр 1910: 228]), где значение ‘подобно, как’ может быть развитием из значения ‘по направлению к’. [Гудава 1947: 194] полагал, что абхазский направительный суффикс -x′ присутствует также в таких мегрело-лазских формах как žido-x-še ‘сверху’, ek’o-x ‘вверх’, dik’o-x ‘вниз’, dolo-xe ‘внутри’, uk’ač-xe/a ‘сзади’ и т.д.

9. Лексика

9.1. Существительные

9.1.1. Анатомические термины

aq’vaq’va ‘шея’ [OK I: 200].

Из абж. абх. a-q°aq°a ‘спина (от поясницы до шеи)’; в бзып. a-q°aq°.

bžak’e ‘борода’ [OK I: 258].

Из абх. a-žak″a ‘борода’ ([Кипш 207], [Климов 182], [Чирикба 133], [Гублиа 44]). На абхазское происхождение этого мегрельского слова было указано также Н.Я. Марром в редакторских пометках в [Чарая 24]; последний рассматривал мегрельское слово как исконно родственное с абхазским. Начальный билабиальный в мегрельском эпентетического характера. Название бороды в сенакском диалекте мегрельского – primuli. Само абхазское слово рассматривается как заимствование из адыг. žač″e < žak″e ‘борода’ (см. адыгскую этимологию в [ЭСАЯ I: 199]).

č’ač’a ‘почка’ (анат.) [OK III: 460].

Из абх. a-č″ač″a ‘почка’ ([Климов 182], [Гублиа 72]). Через мегрельский слово проникло в груз. (č’ač’a) и сван. (ǯač’, с обычным озвончением начального согласного). [Гублиа 72] связывает абх. a-č″ač″a с глаголом a-č″ač″a-ra ‘нанизывать (что-либо на что-то)’. Из абхазского идет также убых. č″ač″a ‘почка’.

maxvari ‘рука’ [OK II: 235].

Из абх. a-max°ar ‘рука’ ([Кипш 278], Марр [в Чарая 30], [Чирикба 133], [Гублиа 53]); ср. ащх. max°a ‘рука’. Абхазское слово анализируется как ma ‘рука’ и x°a ‘ручка, рукоятка’ ([Chirikba 1996a: 111], [Гублиа 53]). Конечный -r < -ra может быть абстрактным суффиксом. [Чарая 29-30] сравнивает мегрельское и абхазское слова как генетически связанные, добавляя сюда также сван. mexer ‘рука’. Но в своих редакторских замет-

ках к [Чарая 30], Марр справедливо указывает, что мегр. maxvari идет из абхазского и что сванская форма генетически связана с груз. mxar-i и мегр. (m)xuǯi 'плечо'.

9.1.2. Медицинские термины

ababara 'желтуха' [ОК I: 161].

Из абх. a-baba+ra 'болезнь сопровождаемая опуханием' [ОК I: 161]. Абхазское слово анализируется как a-baba 'пышный, пушистый', плюс абстрактный суффикс -ra.

9.1.3. Термины хозяйства, домашней утвари

abšira 'форма для сыра сулугуни' [ОК I: 164].

См. также груз. лечх. apšara 'форма для (изготовления) сыра' (sulgunis q'alibi) ([Ghlont'i 44]). Источником может быть абх. a-pš'ərha 'деревянный цилиндрический сосуд' (см. ниже).

apšara 'вид деревянного сосуда' [ОК I: 199].

То же, что abšira и apširha ? (см.); связь с apširha была предположена в [ОК I: 199].

apširha 'деревянный сосуд для кислого молока' [ОК I: 199].

Из абх. a-pš'ərha 'деревянный цилиндрический сосуд для кислого молока и воды' ([Кипш 197], [Инал-ипа 1965: 216], [Чирикба 133], [ОК I: 199], [Гублиа 65]); ср. абаз. pš'ərha 'ведро'. Абхазское слово анализируют как a-pš' 'сторона' (ср. рус. *бочка*, от *бок*) и -r-ha 'удлиненный', 'повышенный' ([Кварчия 124]).

ašvamk'iad 'маленький стол для сыра' (в самурз.).

Из абх. a-š°əmk"at 'пастуший столик на высоких ногах для сыра' ([Чирикба 132, 136]). Другое значение этого слова: 'стол из плетенки на четырех ножках, на который клали жертвенное мясо при совершении языческих обрядов' ([Касландзия 2005: 661]). [Джанашиа 1915: 81] предлагает мегрельскую этимологию для этого слова (sum-k'et'i 'три палки'). Но помимо неудовлетворительной семантической стороны такой этимологии (отсутствие явной мотивации для значения 'три палки'), также и фонетически она не является вполне удовлетворительной: мегр. k'et'i 'палка' дает в абх. a-k"at', с конечным глоттализованным, а не придыхательным, что мы имеем в a-š°əmk"at. [Кварчия 114-115], напро-

тив, предлагает абхазский источник для мегрельского; он анализирует абх. a-šʷəmkʺat как aš° 'сыр' и mkʺat, понимаемый как 'вместилище, место чего-либо', встречаемый также в абх. jʷ+aʒə-mkʺat 'сосуд для молодого вина' (jʷə 'вино'), архаичный термин, сохраненный в абхазском нартском эпосе. Ср. также a-psə-mkʺat 'специальное место где охотники клали кости убитых и съеденных ими животных' (a-psə 'душа').[1] Наконец, сама география мегрельского термина – южноабхазская провинция Самурзакан, указывает на его абхазский источник.

čaq'va 'деревянная посуда для простокваши' [Кипш 363], 'глубокая деревянная тарелка/чашка с ручкой' [OK III: 297].

Из абх. a-čʹaqʷa 'маленький деревянный кувшин' ([Климов 182]). Абхазское слово родственно убых. čaqʷə 'сосуд', с дальнейшими соответствиями в дагестанских языках: арч. čʼaqʷ 'ложка', табас. (дюбек.) čʼaqʼa 'деревянный кувшин для йогурта и других продуктов' (см. [Старостин 1985: 87]).

γet'ama, γat'ami, γet'am-i 'шкворень ярма' [OK III: 169, 172].

Из абх. a-qʺatama 'то же' ([Климов 182], [Чирикба 133, 135]); в абжуйском – a-γʹatama, вероятно, обратное заимствование из мегрельского. Х. Бгажба [БД 224-225], помимо мегрельского, указывает также на ад. qʷətame, каб. qʷədame 'шкворень ярма'. Другой мегрельский термин для этого предмета – t'abuk'i, сен. t'abik'i (< груз.).

k'əga, k'ga 'вешалка' [OK II: 114].

Возможно, из абх. a-kʼəga 'ручка' (напр., кувшина, ведра), также 'кузнечные клещи', собственно, 'то, что за что держат' (kʼə 'держать', -ga агентивный суффикс).

k'vaγa 'маленький топорик' [OK II: 127].

Из абх. ajkʷaγa 'маленький топорик' ([Чирикба 133, 135]); для анлаута см. особенно абаз. kʷaγa 'то же'.

labaša 'длинная деревянная палка с железным наконечником и железным или деревянным крючком у рукоятки; носят во время путешествий по горам' [Кипш 269].

Из абх. a-labašʹa 'то же' ([Климов 182], [Гублиа 63]). В абхазском используется также без конечного -šʹa (a-laba 'палка, посох'). [Чиковани 1966: 15] ошибочно предполагал обратное направление заимствования.

[1] См. [Дбар 2004: 281].

nəga, niga ‘деревянный подойник’ [ОК II: 387, 403].

Из абх. a-nəga ‘деревянное ведро для доения’ ([Кипш 281], [Климов 182], [Гублиа 71]). [Чарая 31] связывал абхазское и мегрельские слова как родственные. [Кварчия 124] и [Гублиа 71] выводят абхазское слово из глагола a-nə+ga-ra ‘уносить, вынимать’ (центробежный преверб nə- ‘с поверхности’ плюс глагол ga ‘нести, брать’). Ср. также гур. груз. niga/e ‘чугунный кувшин (для воды)’ ([Ghlont’i 421]) < мегр.

svira ‘ручная сумка сплетенная из липовой коры’ [ОК II: 594], также sura ‘маленькая корзинка сплетенная из липовой коры’ [ОК II: 618].

Возможно, из абх. a-š°əra ‘сумка, котомка, походная/охотничья сумка’ (если мегрельское слово не связано каким-то образом с груз. sura ‘маленький кувшин для вина’).

uro ‘деревянный молот’ [ОК III: 67].

По-видимому, из абх. a-wəra ‘большой деревянный молот’ ([Чирикба 132], [Гублиа 74]), которое само рассматривается как заимствование из адыгских языков (см. [Климов 1968: 294], [ЭСАЯ II: 97]). Согласно Х. Бгажба [БД 203], слово известно только в абжуйском диалекте; он полагал для него мегрельский источник. [Рогава 1956: 109] предполагал заимствование груз. uro ‘молот’ прямо из адыгских языков, но Шагиров [ЭСАЯ II: 97] не исключал для него абхазское посредство, возможно, через мегрельский. Сван. ur(o) ‘кузнечный молот’ происходит либо прямо из абхазского, либо из мегрельского.

xarta ‘бурдюк, кожаный мешок’ [ОК III: 517].

Из абх. a-hata ‘бурдюк, кожаный мешок’ ([Чирикба 134], [Гублиа 71]). Согласно В.Г. Ардзинба (устн. сообщ.), абхазское слово можно анализировать как сочетание корня глагола a-ha-ra ‘плести’ и локативного суф. -ta. Вибрант в мегрельской форме является обычной эпентезой. В том же значении абхазское слово вошло в грузинский (в форме xalta, через мегрельский) и в убыхский (xāta). [Чарая 15] для мегрельского и грузинского ошибочно считал обратное направление заимствования.

xiraʒaga//xəraʒaga//xaraʒaga//xarazak’a ‘деревянная цедилка для молока’ [ОК III: 515, 558, 591].

Из абх. a-xraʒaga ‘то же’ ([Чирикба 134]; [ОК III: 591] – со ссылкой на [Чарая]; [Гублиа 57-59]), анализируемое как x(ə) ‘молоко’, r+aʒa ‘фильтровать’ и агентивный суф. -ga. На связь мегрельского и абхазского слов указывали [Бжания 97] и [Инал-ипа 1976: 347].

ʒəga ‘шерстяная нитка’ [ОК III: 393].

Из абх. a-ʒəga ‘крученая шерстяная нить, пряжа’; в бзып. a-ʒ́əga [БД 47]. Первая часть абхазского слова может быть связана с ʒ/ʒ́ в абж. a-ʒax-ra, бзып. a-ʒ́ax-ra ‘шить’, конечное -ga – агентивный суффикс.

9.1.4. Термины архитектуры, жилища

abarc’a ‘крыльцо, открытый балкон’ [Кипш 191], [ОК I: 162].

Из абх. a-barc’a ‘открытый балкон, веранда’ ([Кипш 191], [Климов 182], [Дзидзария 2000: 146]). Конечный -c’a в абхазском может быть a-c’a ‘низ, дно’. Садз. a-barac’a ‘веранда’, вероятно, представляет собой исходную полногласную форму. Для bar(a) ср. a-xə-bra ‘крыша’ (a-xə ‘голова’) < *a-xə-bara?

aboura, abora, abūra, abura, ambura, ambūra ‘хлев’ [ОК I: 162, 163, 184].

Из абх. a-bawra [aboura//abora] ‘хлев’ ([Климов 1968: 291-292], [Инал-ипа 1976: 347], [ЭСАЯ I: 101], [NS 497], [Чирикба 133]), в абаз. bawra [bora]. [Чарая 20] ошибочно предполагал здесь исконное родство, добавляя сюда также груз. bosel-i ‘хлев’. Кипшидзе [Кипш 192] странным образом производил из этого абхазского слова мегр. agwara (см. ниже). Абхазское слово связывают с каб. baw [bow] ‘хлев’, в котором предполагается утрата конечного слога (см. [ЭСАЯ I: 101]); ср. также карач.-балк. baw ‘хлев, коровник, конюшня’ и сван. bāw ‘(большая) хижина в горах’ (оба из кабардинского). По мнению А. Шагирова [ЭСАЯ I: 101], источником абхазского слова может быть славянское obor(a) ‘хлев’, которое проникло также в румынский, молдавский и албанский, хотя непонятно, каким путем оно могло достичь абхазского. Возможна и альтернативная этимология: если финальный -ra в абхазском является обычным абстрактным суффиксом (см. [Климов 1968: 292]), тогда связь абхазского слова с адыгским становится более вероятной, см. такую трактовку в [NS 497]. [Климов 1968: 291-292] считал и абхазское и адыгское слово заимствованными, но для абхазского предполагал адыгское посредство. В этом случае сходство со славянским словом должно быть случайным.

agvara ‘скотный двор, хлев’ [Кипш 192], [ОК I: 164].

Из абх. a-g°ara ‘ограда, двор’ ([Bleichsteiner 1931: 74], [Климов 182], [Чирикба 137]; см. также [ОК I: 164]). Мегрельский топонимический элемент agvara, производный из этого апеллатива, встречается, согласно [Элиава 1987: 95], на территории Мегрелии до реки Цхенисцкали. Кипшидзе [Кипш 192] ошибочно (или в результате опечатки ?) производил это мегрельское слово из абх. a-bowra (см. выше).

agvarta ‘сторожевой шалаш пастухов и охотников в горах или в лесу’ ([Bleichsteiner 1931: 74]; [Ghlont’i 22]; отсутствует в [Кипш] и в [ОК]).

Из абж. абх. a-g°ar+ta ‘ограда’, ‘огороженное место’, ‘скотный двор’, см. полногласную бзыпскую форму a-g°ara+ta; слово производно от a-g°ara (см. выше) и локативного суффикса -ta. Оно не связано с абх. a-g°arta ‘стадо, стая’ (см. под argvata). Слово проникло и в западногрузинские диалекты: гур. agvarta(i) ‘хижина для ночевки на дальнем поле’ [Bleichsteiner 1931: 74] и имерет. agvarta ‘пасека’ [БД 229]; в [Ghlont’i 22] семантика гурийского слова та же, что и в данном выше мегрельском слове; ср. также в [Žghent’i 1965: 278] нижне-гур. agvarta ‘шатер, палатка’. Указание на абхазский источник для гурийского см. в [Инал-ипа 1965: 216)], а для имеретинского – в [БД 229].

amxara ‘маленький домик для новобрачных’ [ОК I: 185].

Из абх. a-mhara ‘маленький домик или хижина для новобрачных’. Абхазское слово может быть анализировано как содержащее негативный префикс m-, глагол (a)ha- ‘слышать’ и абстрактный суффикс -ra, т.е. «не слышание» (см. [Джанашиа 1917: 193]). В речи турецких абхазов этот термин встречается в более полной форме: a-taca mhara, букв. ‘не слышание невесты’, что отражает характерный ритуал “избегания” новобрачной семьи своего мужа в начальную фазу ее замужества (молодые некоторое время проводят в специальном брачном домике, располагающемся около основного дома и лишь после торжественного ритуала невестке позволено жить в доме мужа).

apra ‘две самые высокие вертикальные доски по середине двух противоположных стен деревянного дома, чьими головками поддерживается горизонтальное бревно, к которому прикрепляется вся двускатная крыша’ [Кипш 197], сен. ‘балка-матица, на которой подвешена надочажная цепь’.

Из абх. a-pra ‘парус’ ([Марр 1914: 143; 1915: 215], [Климов 182], [Чирикба 137], [Дзидзария 2000: 143], [Гублиа 68]). Кипшидзе [Кипш 197] указал на грузинский как на источник мегрельского слова (ср. груз. apra ‘парус’), хотя еще [Марр 1914: 143] рассматривал грузинское слово как заимствование из абхазского. Марр производил абхазское слово от глагола a-prə-ra ‘летать’, напоминая об ассоциации в абхазском судна или лодки с птицей и то, что ‘весло’ в абхазском обозначается словом a-ž°j°a ‘крыло’.

aptara ‘огороженное место для скота’ [ОК I: 199].

Из абх. aaptra ‘весенняя стоянка пастуха’ ([ОК I: 199]), см. особенно абж. джгярд. aaptara; в бзып. aaptra/ə. Слово содержит сложный корень

aa+p- ‘весна’ и ta+ra ‘место чего-либо’ (ta ‘быть внутри’, -ra абстрактный суффикс), сохранившееся как отдельное слово в абазинском (ta+ra ‘сосуд; место для скота’ и т.д.).

arpa [OK I: 195], метатеза из apra (см. выше).

axk’ara//xak’ara//xek’ara//xək’ara ‘огороженное место на пастбище’, ‘огороженное место для скота’, ‘временная стоянка пастуха’, ‘плетеная ограда’; также топонимический элемент в Мегрелии (см. [OK I: 207; III: 509, 528, 591]).

Из абх. a-xk’aara ‘огороженное место’, ‘огороженное часть поля’, ‘летнее помещение для лошадей и телят примыкающее к двору’ (см. [Цхадая 1975: 34; 1985: 186, 209], [Чирикба 132], [OK III: 528]). Абхазская лексема производна от глагола a-x+k’aa-ra ‘огораживать (кругом)’.

γanda ‘ограда, забор’, ‘стена’ [Кипш 349].

Вероятно, из абх. aanda < *ħanda ‘ограда’ [Чирикба 132, 138].[1]

nəši, niši ‘лодка’ [OK II: 391, 404].

Ср. также лаз. nuši//niši, груз. (диал.) nuša//nuš-i, в грузинском словаре Саба Орбелиани (XVIII в.) nuša ‘лодка’. Возможно, из абх. a-nəš′ ‘то же’. Вопреки мнению [Чарая 13], считавшего абхазское слово заимствованным из мегрельского, [Дзидзария 2000: 142] полагает, что наличие ə в мегрельской форме может, напротив, указывать на абхазский источник для мегрельского; для диалектных грузинских форм и для лазского допустимо полагать мегрельское посредство. Характерно в этой связи, что мегрельский и грузинский заимствовали и другой абхазский мореходный термин, a-pra ‘парус’ (см. выше). Абх. a-nəš′ в конечном счете может предположительно восходить к какому-то индоевропейскому источнику, продолжающему и.-е. *nau-s ‘судно’ (ср. греч. nau-s, лат. nāvi-s, санскр. nau-s ‘корабль’), хотя сохранение номинативного суффикса при заимствовании не вполне обычно. Индоевропейский источник отражает и груз. nav-i ‘лодка’.

pacxa ‘укрытие из ветвей; плетеная хижина’ [OK III: 92].

Ср. также груз. pacxa ‘плетеная изба (в Западной Грузии)’ [K’ank’ava 1965: 323], имерет. pacxa ‘маленькая корзина, стоящая на камне в мель-

[1] Г. Климов говорил мне о возможном турецком источнике для мегрельского слова, возможно, имея в виду тур. *hendek* ‘ограда’, но связь с абхазским кажется все-таки более предпочтительной с фонетической точки зрения.

нице, в которую ссыпается кукузуза из ящика', гур. расха 'плетеная хижина покрытая осокой' ([Ghlont'i 538]), лаз. расха 'вид корзины плетеной из тонких свежих ветвей орешника или каштана' (виц.), 'наскоро построенное деревянное строение используемое в качестве амбара' (атин.) [Bucaklişi & Uzunhasanoğlu 1999: 379], 'вид корзины' (арх.), 'хлев' (ардаш.).[1] Слово известно также в северо-восточных турецких диалектах имеющих (хамшенский) армянский субстрат (Уве Блэзинг, устн. сообщ.; по-видимому, из лазского). Кипшидзе [Кипш 335] предполагал грузинский в качестве источника мегрельской лексемы, но это слово известно только в областях Западной Грузии, соседящих с Мегрелией.

Ср. абж. абх. а-расха 'плетеная хижина, плетеная кухня', для которого Х. Бгажба [БД 203] предполагал грузинский источник. [Климов 182], напротив, рассматривал мегрельское слово как усвоенное из абхазского.

Представляется, что картвельские слова следует выводить из абхазских названий плетенки: абж. а-bəcaq"a, бзып. а-bəćaq", тур. бзып. а-bəcq"a 'плетеная стена, плетенка', ср., с точки зрения вокализма, особенно такие формы как цвыдж. садз. а-bacq"a, ащх., тап. bacq"a 'плетенка' (< общеабх. *baća-q"a 'плетенка', из *baća 'ветви используемые для плетения' и -q"a 'плоский', ср. [Chirikba 1996a: 13], [Чирикба 133, 135]. Исходным значением слова является, таким образом, 'нечто сплетенное', что могло быть плетеной хижиной, плетнем, либо плетеной корзиной. Форма bacq"a могла дать мегр. расха, с оглушением начального билабиального (путем регрессивной ассимиляции) и заменой отсутствующего в мегрельском палатализованного и глоттализованного увулярного смычного q" увулярным фрикативом х. Абж. а-расха, может, таким образом, являться обратным заимствованием из мегрельского. Следует отметить, что слово а-расха проникло в Западную Абхазию относительно недавно (возможно, в течение последних 50 лет), из абжуйского диалекта, служа для обозначения сети популярных плетеных ресторанов именуемых *пацха* с традиционной абхазской кухней. Другим мегрельским производным от bacq"a является расхі 'колючие или иные ветки', также заимствованное в абжуйский диалект: а-расх' 'сухие ветки, небольшие дрова'.

tipu 'хижина пастуха на горном пастбище' [Кипш 243]; [ОК II: 69]: 'место вокруг хлева (где держат сторожевых собак)', təp, təpə 'ночное стойло для скота', 'в старину, лежащая (при болезни) женщина имела свой собственный угол (место), которое называлось təpə' [ОК II: 69].

---

[1]Рене Лакруа, устн. сообщ.

Из абх. a-təp ‘хижина пастуха’, ‘хижина’, ‘место’ ([Дзидзария 1987: 38; 1988: 69; 2000: 144], [Чирикба 132]), см. также абаз. (ащх.) təp ‘хижина, шалаш’. Абхазское слово может содержать tə/a ‘место’ (см. [Кварчия 113], [Дзидзария 2000: 144]), хотя этимология конечного элемента (-p) не так ясна (см. однако [Кварчия 113]). Кипшидзе [Кипш 243] связывал мегрельское слово с tip ‘косить’, tipi ‘сено’, что кажется менее вероятным. Имеются также попытки связать абхазское и мегрельское слова с греч. topo-s ‘место’ (см. [Дзидзария 1987: 39; 2000: 144]).

xek’ara//xək’ara см. axk’ara.

9.1.5. Одежда и т.п.

k’vaxča, ʔvaxča ‘козья либо овечья шкура используемая как подстилка пастухами (в горах)’ ([Кипш 255], [ОК II: 128; III: 222]).

Из абх. a-k’$^{\circ}$ax′č′a ‘подстилка из козьей (либо другой) шкуры используемая в горах (в основном пастухами)’. [Кварчия 122] анализирует слово как k’$^{\circ}$a ‘пазуха’ и x′č′a ‘охранять, защищать’.

ʒikva ‘брюки’, ‘вид мужских бриджей или галифе (с узкой нижней частью штанин)’; также ʒirkva [ОК III: 389], с *r*-эпентезой).

По-видимому, из абх. a-ʒ+ajk$^{\circ}$a [adzejk^{hw}a], a-ʒ+əjk$^{\circ}$a [adzijk^{hw}a] ‘вид галифе (с узкой нижней частью штанин)’, ‘брюки’, ‘трусы, кальсоны’ ([Климов 182], [Гублиа 112]), во второй части которого – ajk$^{\circ}$a ‘штаны’; первая часть объясняется Б. Джонуа (устн. сообщ) как a-ʒa ‘тонкий’, т.е. ‘тонкие штаны’ (?). Слово проникло также в грузинский: верхне-аджар. ʒigva, в лазский: ʒikva, ʒik’va, zip’k’a, c’ik’va ‘трусы, кальсоны’ [Марр 1910: 145],[1] а через лазский – в турецкие диалекты (ср. такие турецкие формы как zıpka, zıbga, zıbka, zıvga, zibka, zivga, zipka, zivka, zivra, cikva, žağva, zıka ‘бриджы с узким завершением штанин’, см. [Eren 1999: 469], [Emiroğlu 1989: 239], а также в курдский диалект Эрзерума (указание на турецкие и курдские слова – Уве Блэзинг, устн. сообщ.).

9.1.6. Термины животноводства, пастушества

agvarta ‘стадо, стая, отара’; ‘бесчисленное, огромное количество скота’ [ОК I: 164].

[1] В некоторых архавских говорах лазского zip’k’a означает ‘узкий’, а не ‘брюки, штаны’ (Рене Лакруа, устн. сообщ.).

Из абх. a-g°arta ‘стадо, стая’; ‘множество, большое множество’ [Чирикба 133]. Абхазское слово связано с абаз. g°arta, каб. g°arte, ад. k°ert ‘стадо, стая’, в ад. также ‘группа’ (см. [ЭСАЯ I: 109], [Chirikba 1996: 336]). См. также argvata, gvarta ниже.

aγviri ‘уздечка’ [OK I: 200].

По-видимому, из абх. áγ°ra ‘уздечка’ ([Чирикба 132, 136], [Гублиа 71]); ср. также абаз. γ°ra ‘то же’. Хотя [Старостин 1985: 80] рассматривает абхазское слово как заимствование из картвельского (так же ранее [Чарая 16]), я считаю его исконным в абхазском: если бы это было картвельское заимствование, мегр./груз. aγviri дало бы в абхазском aγ°ár, чего мы не имеем. Абазинский обычно сохраняет анлаутный a-, но не в этом случае, хотя абхазские посессивные формы (напр. w-aγ°ra ‘твоя (муж.) узда’) указывают на наличие начального корневого гласного. Для общеабхазского мы можем восстановить *(a)γ°ra. Абхазское слово может иметь дальнейшие связи с такими восточнокавказским словами, как лак. x̄uri, дарг. urx̄ur, табас. furu и, возможно, также авар., бежт., гунз. roγo, при допущении здесь метатезы (дагестанские формы см. в [Кибрик, Кодзасов 1990: 158]). Симптоматично, что картвельские основы не были включены Г. Климовым в его пракартвельский словарь. Если мнение об исконности абхазского слова является верным, то мегрельский является источником груз. aγviri, сван. haγvr-il (с уменьшительным суффиксом -il), а из грузинского идет лаз. aγviri, бацб. aʕwir ‘узда’.

činori ‘наемный пастух’ [OK III: 310].

Вероятно, из абх. a-č′nər ‘наемный пастух’, a-č′nər-ra ‘наем пустухов’ ([Дзидзария 1987: 39], [Чирикба 134]). Слово известно в основном в Абжуйской Абхазии, граничащей с Мегрелией. Ср. также абаз. č′rən ‘слуга, сельскохозяйственный рабочий’, č′rən-ra ‘работать как сельскохозяйственный рабочий’. [Инал-ипа 1965: 215] рассматривал абхазское слово как заимствованное из мегрельского. [Кварчия 117] производит абхазо-абазинские слова из осетинского глагола čærun ‘жить’ < *‘пасти скот’, что разделяется [Дзидзария 1987: 39]. Но, может быть, источником является перс. čära-ni ‘пастбище’? Ср. также курд. čarin ‘пасти’. В любом случае, фонетически абазинская форма кажется исходной, по сравнению с абхазской (с метатезой), а последняя могла быть источником для мегр. činori.

naxvta//naxta//naxuta ‘недоуздок’ [OK II: 376].

[Климов 182] считал усвоенным из абх. a-nax°ta ‘то же’. Хотя слово является в конечном счете заимствованным из тюркских языков (пред-

ставлено и в монгольских) и восходит, как полагают, к китайскому источнику (см. [Шагиров 1989: 94]), оно не встречается в грузинском и распространено в основном в северокавказском ареале (абаз. nax°ta, адыг. nax°te, убых. nax°ta, карач.-балк. noxta, кум. naxuta 'недоуздок', осет. naxæt-bos 'торока (седла)'), если не считать азерб. noxta; см. также осм. тур. noxda (оба из перс. noqṭa ?), так что вероятнее всего предположить, что оно вошло в мегрельский из абхазского, вместе с целым рядом других животноводческих терминов.

xnc'ra//xənc'ara//xinc'ira//xənc'əra [ОК III: 556, 566] 'мечение мелкого рогатого скота путем нареза знака собственности на ухе животного'.

Из абх. (абж.) a-x+c'a+ra 'мечение скота пастухами путем надрезов на ушах животных' ([Инал-ипа 1965: 219], [Кварчия 109], [Чирикба 134], [Гублиа 62], [ОК III: 556]). Ср. также бзып. a-x+c'a+r, абаз. x+c'a+ra 'то же'. Абхазское слово содержит глагольный корень c'a 'класть' и абстрактный суф. -ra; начальный x- не вполне ясен. В мегр. -n- может быть эпентетическим. Вероятно, через посредство мегрельского термин проник также в сванский (xənc'əra 'то же').

См. также nəga, xiraʒaga, aboura, agvara, agvarta, aptara, axk'ara, tipu, k'vaxča, aču, tiγi, antari, aʒmax-i/ə, ckebzi, xac'a, xač'o, xeč'eti, xiǯaǯa.

9.1.7. Ботанические термины

9.1.7.1. Дикие растения

aia 'название растения' [Кипш 193], ср. aia žešxa 'Воскресенье Айа', зугд. ai-oba 'название весеннего праздника'.

Ср. также сван. aja mišladeγ 'воскресный день Айа' (из мегр.?). Источником мегрельского и сванского слов может быть абх. a-jə-ra 'растительность' [Чирикба 133], ср. также абаз. ĥajə-ra 'растение'. Связь сванского и абхазского слов была отмечена [Бжания 150]. Абхазское слово, по-видимому, производно от глагола a-j-ra 'рождаться', 'расти, уродиться, плодоносить'; альтернативная этимология, связывающая ajə-ra с прилагательным a-ja+c°a 'зеленый, синий' (см. [Шакрыл 1961: 111]), менее удовлетворительна с фонетической точки зрения.

anč'a 'горный клен'.

Из абх. a-mč"a, (диал.) a-nč"a 'остролистный клен'. Исконное мегрельское навание клена – cxali (в грузинском – korap-i).

axešra 'вид черной травы в человеческий рост, с белыми цветами' [ОК I: 207], возможно, 'борщевик'.

Из абх. a-xə+š+ra 'борщевик известняковый, *heracleum calcareum*'. Абхазское слово можно анализировать как a-xə-š 'белая голова', плюс абстрактный суффикс -ra.

axšara 'вид высокой и толстой травы' [ОК I: 208].
Возможно, то же, что и axešra (см.).

bacu 'мушмула, *Mespilus germanica*'; ср. также tuntiši bacu 'вид рябины' ([Maq' 118]: 'рябина греческая, *Sorbus graeca*'), букв. 'медвежья мушмула' (tunti 'медведь').
Из абх. a-bac°, a-brəc° 'мушмула, *Mespilus germanica*' ([БД 217], [Чирикба 133]). Убых. b(ə)rəc° 'то же' может также идти из абхазского, хотя оно может соответствовать абхазскому и на генетическом уровне (см. [Chirikba 1996: 335]). Исконное мегрельское слово для этого растения – ckumut'uri [Кипш 202], ckumunt'uri// cxumunt'uri, родственное лаз. ckirmut'uri [Maq' 29], cximunt'uri и груз. zγmart'l-i.

bač'a 'черника кавказская'.
Возможно, из абхазского, ср. абж. p'ač'a в a-h°a-r-p'ač'a 'черника' (для первого элемента ср., возможно, абх. a-h°a 'свинья'), бзып. p'ač' в a-h°ə-r-p'ač', a-š'x̲a-r-p'ač' 'черника' (a-š'x̲a 'гора', -r- соединительный элемент). Не исключено, что название этого растения этимологически связано с рассматриваемым в 9.1.8.1. названием насекомого. Другие названия черники в мегрельском – ma?urzene (из ?urzeni 'виноград') и melišiaš ǯa, букв. 'лисье дерево'.

bəgəʒəri (зугд.-самурз., [Кипш 210]), bʒgiri ([Maq' 81], [ОК I: 276]) 'кизил, *Cornus mas L.*'.
Из абх. a-bgəʒər 'кизил' [Чирикба 134]. Вторая часть абхазского слова (-ʒər) связана с абаз. zarə 'кизил', и далее – с ад. zarə-ǯ' 'калина' (ǯ' 'плохой'), каб. ze 'кизил' [ЭСАЯ I: 204, 205, 207]. Первая часть (bgə) объясняется [Абдоковым 1973: 52] как 'склон'. Альтернативно, bgə можно связать (как определение) с a-bga 'волк' ('волчий кизил'). Мегр. bʒgiri получено из bəgəʒəri путем метатезы. Сван. ʒigir 'ежевика, *Rubus*', мегр. ʒəgiri 'саспариль, *Smylax*' могут не относиться ко всем этим формам. [Memišiši 1988: 90] пытается связать мегр. bʒgiri с груз. baʒgi и лаз. baʒgari 'веха мышья', что кажется менее вероятным.

c'ic'indera//c'ic'indara//c'ic'imdera 'земляника' ОК III: 424].
Из абх. (абж.) a-c'əc'əndra 'земляника' [Чирикба 132]; ср. также бзып. a-ć'ać'əndər, a-ć'əć'əndər, садз. a-c'əc'əndara. Хотя абхазская этимология

неясна (ср. для второй части финальный элемент в a-kʷəkʷəmdər 'куст'), факт его присутствия во всех абхазских диалектах и его фонетическая форма в бзыпском диалекте (со средней сибилянтной аффикатой), позвляют видеть в нем исконное абхазское слово. Через мегрельский слово проникло и в западногрузинские диалекты, ср. верхне-рач. c'ic'indera 'земляника' [Maq' 32]. В мегрельском имеются и другие названия для этой ягоды: xvixvinia, cəm(?)ua 'земляника'; ср. также в родственных языках: груз. marc'q'v-i, xendro ('клубника'), имерет. dardala, c'iamp'ola, сван. basq'(i), bäsq', majōl, лаз. k'andγu/o.

čamkva, čamhva, čampa 'горный клен'; см. также čamua 'вид растения в горах' [OK III: 291].

Из абх. a-č'amha 'клен' [Чирикба 134]. Второй элемент (mha) может быть родственным адыг. *pxa 'древесина'. Наличие лабиального элемента в мегрельских формах (-kva//-hva//-pa) весьма интересно – могут ли они отражать более старую абхазскую форму? Исконное слово для 'клена' в мегрельском – mek'enčxali.

k'ak'ara/o 'густой лес с большими деревьями'; также как топонимический элемент в горной Мегрелии.

Из абх. a-k'k'ara 'густой лес с большими деревьями; лес без подлеска и кустарников' ([Цхадая 1975: 34; 1985: 187, 209], [Чирикба 132, 137]), производного от корня k'(a)k'a 'открытый, чистый, ясный, свободный от чего-либо' и абстрактного суффикса -ra (этимология Б. Джонуа) указал на абхазское происхождение мегрельского топоформанта k'ak'ara/o. Мегрельская форма может отражать более старую (полногласную) абхазскую форму (a-k'ak'a+ra).

k'vadaci, k'vadaca, k'vadacia [OK II: 118], k'udacia [Maq' 73] 'облепиха'.

Из абх. a-kʷadac 'облепиха' [Чирикба 133]. Абхазское слово, возможно, содержит -dac 'корень', но первая часть неясна. Слово известно и в грузинском (из мегр. ?): kʷadac-i 'терн' (см. [Čubinašvili 1984: 606]), наряду с более обычным kacv-i .

šxuriči 'дикий виноград' ([Кипш 361], [OK III: 286]).

По-видимому, из абх. a-šʹxarəžʹ 'дикий виноград' (a-šʹxa 'гора', a-žʹ 'виноград'; см. [Чирикба 131]). Кипшидзе [Кипш 361] и Каджая [OK III: 286] производят мегрельское слово из šxuri 'овца' (по Каджая, из šxuri-š č'i 'кишка/поясница овцы'), что сомнительно семантически. Другой мегрельский термин для дикого винограда – burexi.

xvamca, xvanca ‘остролист, вязожелд, падуб’ [OK III: 539].

Из абх. a-x°amsa ‘рододендрон кавказский’ (rhododendron caucasica); в бзып. a-h°əmsə.

9.1.7.2. Культурные растения

at’ama, ant’ama ‘персик’ [OK I: 197, 188].

Из абх. a-t’amá ‘персик’ ([Климов 182], [Чирикба 134], [Гублиа 67]; см. также [NS 1005]). Ср. также садз. á-t’ama, á-t’əma ‘персик’, батум. абх.: фер. a-t’amə́ [Килба 1983: 25], сам. á-t’ama ‘персик’, ащх. t’amá ‘абрикос’, ʒən-t’amá ‘персик’ (ʒən ‘зима’).

Через мегрельский слово проникло в грузинский (at’am-i, имерет. ar-t’am-i) и сванский (at’ama). Ср. также такие композиты, как мегр. uškur-at’ama, груз. vašl-at’ama ‘персик-нектарин’, букв. ‘яблоко-персик’ ([Maq’ 27]; мегр. uškuri, груз. vašl-i ‘яблоко’). Через грузинский слово вошло в лазский: хоп. at’ama, виц. ant’ama, ардаш. at’amba; (см. [Bucaklişi & Uzunhasanoğlu 1999: 5, 8]), арх. ant’ama, ant’arma,[1] осетинский (at’ami, al-t’ami) и в ряд дагестанских языков, ср. бежт. at’ami, гунз. ʕat’ami, анцух. авар. ʕat’am ‘персик’ (см. [Халилов 1989: 110, 114]).

Лексема также представлена в убыхском (t’əma ‘персик’) и в шапсугском диалекте адыгейского (q°ə-t’amə ‘сорт груши’, т.е. ‘груша-персик’, ср. q°ə ‘груша’). Если этимология Ю. Месароша [Mészáros 1934: 257] и Ж. Дюмезиля [Dumézil 1974: 19] убыхского слова верна (t’ə ‘мягкий, немного перезрелый’, плюс ma ‘яблоко’, т.е. ‘сочное и мягкое яблоко’), тогда в абхазском и адыгейском, а через абхазский в других языках, имеем убыхское заимствование. [Шагиров 1989: 68] высказал сомнение в правильности этой этимологии из-за необычного расположения компонентов в убыхском словосочетании: определение (t’ə) должно было быть в постпозиции, а не предшествовать определяемому им существительному.

Старостин [NS 1004-1005], с другой стороны, реконструирует для праабх.-адыг. *t’əma ‘персик, абрикос’, которое он связывает с прото-нах. t’um ‘мозг’, ‘ядро (фрукта, ореха)’, прото-лезг. *t’um(:)-ul//t’um(:)ut’ ‘виноград’, ‘слива’ (таб. t’umut’, агул. t’ibit’, рут. t’ɨmɨl, цах. t’umɨl’, буд. t’ombul, арч. t’ummul, удин. t’:ul). Согласно Старостину, хин. t’umbol ‘алыча’ идет из будухского, а удин. damp:ul ‘слива’ также является старым заимствованием из шахдагских языков; часть лезгинских языков содержат рефлекс формы *t’um(:)ut’ , которая является редупликацией.

[1] Рене Лакруа, устн. сообщ.

Генетическая связь зап-кавк. и вост-кавк. форм представляется убедительной как фонетически, так и семантически ('мозг', 'вид фрукта'). Западнокавказские языки сохраняют родственные формы, которые, возможно, объясняют первоначальную семантику этого северокавказского корня: 'сочный', 'перезрелый', ср. абх. a-t'am+t'am 'мягкий, слегка припухший', jə-t'am+t'am-wa 'мягкий (о тесте, плоде)', напр. a-x°ərma t'am+t'am-wa 'мягкая и сочная хурма', a-t'ama t'am+t'am-wa 'мягкий и сочный персик', абаз. t'am+t'am 'мягкий, перезрелый', jə-t'am+t'amə+ǯ'ə-t' 'становится перезрелым', адыг. t'emə//t'əmə в ад. qe-t'emə- , каб. q'e-t'əmə- 'опухать' (преверб qe-//q'e- 'сюда').

Помимо северокавказской этимологии абхазского слова, начальный a- в картвельских формах является дополнительным указанием на его абхазское происхождение. Кстати, одно из армянских слов для 'сливы' (ср. класс. арм. damon, артв. damun, арм. диал. dambul), которое не имеет индоевропейской этимологии, имеет, по-видимому, восточнокавказский источник, ср. особенно буд. t'ombul, хин. t'umbol 'и удин. damp:ul (не исключено, однако, что удинская форма может являться обратным заимствованием из армянского). Старостин [NS 1004] объясняет b в будухском как эпентетическое, что естественным образом поднимает вопрос о соотношении армянских форм damon и dambul : являются ли они хронологически различными заимствованиями (damon < *damol < *damul – более ранним, а dambul – более поздним заимствованием), либо же они отражают заимствование из различных восточнокавказских диалектов? Интересно, что в армянском диалекте Сведии (Сирия) название для 'сливы' – tama, помимо более обычного d'ammɛn (Х. Мартиросян, устн. сообщ). Мартиросян усматривает в армянском слове tanj 'груша' (согласно ему, предположительно из *tam- плюс армянский суффикс j обычный для названий растений) возможное заимствование из обсуждаемого выше западнокавказского названия 'персика'.

k'ač'ič'i 'сорт винограда с мелкими черными ягодами'.

Из абх. a-k'ač"əč" 'то же' [Чирикба 132]. Абхазское слово объясняют как производное от имени абхазского крестьянина, который впервые стал культивировать этот сорт в своей усадьбе (см. [БД 210]). Термин известен также в Западной Грузии [Контария, Чанба 1987: 50], по-видимому, через мегрельский.

xeč'eč'i 'сорт поздно созревающей груши с мелкими плодами'.

Из абх. a-ha+č"č"a 'груша с мелкими плодами', 'дикая груша, дичок' [Чирикба 131], содержащего a-ha 'груша' и суффикс -č"č"a (<*-č"əč"a <

*-č″ač″a) ‘маленький, мелкий’. Ср. сходную структуру в a-c°a+č″č″a ‘дикая яблоня с мелкими плодами’ (a-c°a ‘яблоко’), a-k°ara+č″č″a ‘речушка, ручей’ (a-k°ara ‘ручей’). Абх. a-ha связано с адыг. q°ə-źə и убых. x′a ‘груша’. Через мегрельский лексема проникла также в западногрузинские диалекты, ср. аджар. xeč’eč’+ur+a, xeč’eč’+ur-i sxali (sxali ‘груша’), гур. xeč’eč’+ur-i// xič’ič’+ur-i (с атрибутивным суф. -ur; см. [Ghlont’i 748, 756]), а также в лазский: xač’ač’uri (mcxuli) ‘вид груши с мелкими плодами’, mcxul xeč’eč’uli ‘вид груши’ [Марр 1910: 230]; mcxuli ‘груша’), арх. xač’ač’i/e, xeč’eč’uli ‘вид груши с повышенным содержанием сахара’ [Bucaklişi & Uzunhasanoğlu 1999: 196]. [Климов 1971: 259] указал на абхазское происхождение лазского слова. Учитывая наличие в лазской форме суф. -ur, посредником для него мог служить грузинский (аджарский). По-видимому, из лазского, слово распространилось среди языков северо-восточной Анатолии, ср. арм. (в области Понта) xač^{h}aǯur, тур. xačacur armudu (armud ‘груша’), xečečur, hečečur (регион Хамшена), heǯeǯulap (регион Трабзона) (см. [Bläsing 2004: 101-102]; согласно [Bläsing 2004: 102], элемент -ap в последней форме предполагает посредство понтийского греческого (ср. греч. ap ‘яблоко’); таким образом, лазская форма xeč’eč’uli была источником для понтийского греческого, а из последнего оно проникло и в турецкий говор района Трабзона.

9.1.8. Зоологические термины

9.1.8.1. Дикие животные

bač’a ‘клещ’, переносно ‘маленький’; bač’a-bač’a ‘очень маленький’ [ОК I: 230].

Из абхазского, ср. особенно цабал. a-bač’a ‘клещ’; ср. также абж. a-p’ač’a, бзып. a-p’ač’, садз. a-baǯa, ащх. baǯa ‘клещ’ [Чирикба 1998 : 135]; для второго значения ср. абх. a-p’ač’ ‘короткий, небольшой, маленький’. Кипшидзе [Кипш 202] указывал на сходство этого мегрельского слова с груз. bač’k’a ‘кол с крючками’, что сомнительно с семантической точки зрения. Цабальская форма и производная от нее мегрельская отражают общеабхазскую форму (*bač’a), которая позднее подверглась регрессивной (как в бзыпском и абжуйском) или прогрессивной (как в садзском и ащхарском) ассимиляции. Обратное направление заимствования (мегр. > абх.) исключено ввиду абхазских диалектных форм, а также того факта, что мегр. č’, фонетически смягченная аффриката, должна была непременно дать в абхазском также палатализованную аффрикату (č″), а не č’. Исконный мегрельский термин для этого кровососущего насекомого – girǯγibe.

9.1.8.2. Домашние животные

aču ‘лошадь’, также aču, aču-aču ‘междометие понукания лошадей’, aču-a ‘лошадка (в детском языке)’ [ОК I: 204, 316].

По-видимому, из абх. a-čə ‘лошадь’. Перебой u/ə является обычным для мегрельского. Ср. также груз. aču-a ‘лошадка (в детском языке)’ (с диминутивным -a), aču//ači ‘ну! (междометие понукания лошади)’. [Чарая 48-49] ошибочно увязывал абхазские и грузинские слова (без упоминания мегрельских параллелей) как родственные, добавляя к ним также груз. cxen-i ‘лошадь’. Н.Я. Марр в своей редакторской заметке к этому сравнение Чарая на с. 48 отмечает: «заимствовано, по всей видимости, из абхазского». С. Джанашиа [Džanašia 1959: 226], не упоминая мегрельской формы, также считал груз. aču усвоенным из абхазского. С. Николаев и С. Старостин [NS 520-521] считают грузинское слово заимствованным из северокавказских языков, [Гамкрелидзе и Иванов 1984: 919] – из какого-то индоевропейского языка, к чему склоняется также [Климов 1994: 171], усматривая особую близость грузинского слова к древнеиндийской форме. Учитывая фонетику мегрельских и грузинских слов, прямо совпадающих с абхазской формой с определенным артиклем, а также факт многочисленных заимствований в мегрельском абхазских скотоводческих терминов, абхазский источник для этого заимствования кажется все же наиболее вероятным. Заимствование могло хронологически соотноситься со временем Абхазского царства (т.е. VIII-X вв.). См. также ниже, под čou.

tiγi ‘баран’ ([Кипш 243; ОК II: 53]), ‘баран-производитель’, ‘баран для размножения’ [ОК II: 53].

Из абх. a-tə+γ′ ‘баран(-производитель)’ ([Кварчия 75], [Климов 182], [Чирикба 132]). Абхазское слово анализируется как tə ‘баран’ и γ′ ‘семя’.

9.1.9. Культовые, обрядовые, религизные термины

antari, žini-antari ‘главный бог размножения скота’ [ОК I: 187, II: 500], ‘покровитель мелкого рогатого скота’ [Бжания 265] (žini ‘верхний, верховный’).

Из абх. ajtar//ajtər ‘главный бог размножения скота’[1] ([Чирикба 134, 137; Аджинджал 2003: 42]). Присутствие назального инкремента перед дентальным смычным (ajt > ant) обычно для мегрельского. Цикл молений особо почитаемому божеству Айтару, рассматриваемому аб-

[1] Согласно [Званба 1982: 31], «бог и покровитель домашнего скота и хуторов».

хазами как единому в семи долях, начинался весной, в первый понедельник Великого поста [Бжания 127]. Скорее всего, под именем этого языческого божества скрывается христианский Святой Теодор (Феодор) Тирон (Тирский),[1] которому в Абхазии был посвящен храм в нынешнем Новом Афоне на вершине Анакопийской горы. Форма ajtər// ajtar получена из греч. *Agios Theódōros* 'Святой Теодор' в результате гаплологии (опущения одного из сходно звучащих слогов): *aj todə/ar[2] > *aj tatə/ar > ajtər//ajtar. Это мнение можно подтвердить наличием в осетинском божества *Tūtər* (ирон.)/*T*otur (дигор.) 'патрон волков, а также скотокрадов', которое [Абаев 1979: 323] также выводит из имени этого святого. Праздник, посвященный этому божеству, справлялся у осетин, как и у абхазов, на первой неделе Великого поста. Источником осетинских форм Абаев считает картвельские языки, указывая на сван. li-*T*oduri, li-*T*ōdri 'праздник Феодора', первая неделя Великого поста, груз. мохев. праздник *T*evdoreba, рач. *T*edoroba, во время которого святому молились об умножении скота. Абаев указывает также на балкарское топонимическое название *Aš-T*otur taš-i 'камень (taš) Святого Теодора'. Ср. также карач.-балк. *T*otur-nu al ajə «март» (aj 'месяц'), *T*otur-nu art ajə «апрель», селение *Тотур* и крепость *Тотур къала* в Хуламском ущелье в начале XIX века, церкви *Аш-Тотур* в Чегеме и *Тотур-Тюбю* в Хуламе; имеется также несколько ледников по имени *Тотур ауз* [Шаманов 1974: 313, 314], содержащие имя святого. Обращает на себя внимание и фонетическая близость осетинской формы с глухим интервокальным смычным t с абхазской (ср. d в сванской и грузинских формах). Абхазский источник (посредничество) для мегрельского весьма вероятен ввиду сокращенной в результате гаплологии абхазской формы – картвельские языки сохраняют имя святого в более полной форме, а также глухости второго смычного. Кроме того, это божество не ассоциируется у мегрелов с христианским святым, выступая в виде языческого божества, в прямом соответствии с его функцией у абхазов. Об абхазском источнике, наконец, говорит и сопутствующая этому культу специальная терминология, также заимствованнная из абхазского (см. ниже ckebzi, xozo-k'vari). Помимо мегрельского, ср. также божество anatori у грузин-горцев (из мегрельского или параллельное развитие из греческого?).[3]

---

[1] Христианский мученик, который был рекрутом (*tiro*) в римской армии в области Понта (Черное море).

[2] Ср. сходно звучащий греческий топоним Ай-Тодор (Святой Теодор) в Крыму.

[3] [Аджинджал 2003: 42] рассматривает как мегрельское, так и грузинское имя божества в качестве заимствований из абхазского.

napra//napurnaxa/e ‘название какого-то божества, обряд жертвоприношения которому совершается в июле месяце, исключительно в субботний день’ ([Кипш 286-287], [ОК II: 366, 367]), ‘покровитель скота, при молитве которому становились лицом на запад и просили о ниспослании богатства, здоровья, защиты скота и людей’ [Бжания 265].

Из абх. anapra//napər-nəxa ‘божество внутренних болезней, желудочных заболеваний’, ‘покровитель больных’ (nəxa ‘святилище’) [Чирикба 132, 137]. Сходство мегрельского и абхазского слов было отмечено [Бжания 265]. Как и в случае с предыдущим божеством, под обличием языческого бога скрывается, по всей видимости, старый христианский Святой Онуфрий (греч. Ονούφριος).[1] В Абхазии имелась церковь, посвященная этому святому, что отмечает [Павлинов 1893: 4]: «Следуя далее к Беслахубе, на р. Гализге, близ Побчел, видели другую церковь, посвященную св. Онуфрию. Она недавно реставрирована, и в ней совершается служба». Также в собрании икон Илорского собора Павлинов обнаружил две иконы Святого Онуфрия и дал их описание [там же, с. 23 и таблица XII]. Интересно, что в русской народной традиции святой Ануфрий защищает скот от всех несчастий, а также исцеляет людей от кровотечения из ран; ему также молятся о сохранении от внезапной смерти (см. [Юдин 1997]). Начальный a в абх. anapra является корневым. На абхазский источник для мегрельского указывает элемент naxa/e < абх. nəxa ‘святилище’, а также фонетический облик имени святого.

ʒivov ‘ритуальная процессия к Дзиуоу’ (самурз., цаленджиха), ‘ритуальная кукла называемая Дзиуоу’ (самурз.); сюда же несколько измененная (в результате прогрессивной ассимиляции) форма ʒiʒava ‘женский ритуал вызывания дождя во время засухи, в котором фигурирует специально сделанная кукла’ [ОК III: 390].

Из абх. ʒə-jwow ‘ритуал вызывания дождя, где фигурирует специально сделанная кукла, которую несут к речке’ [Чирикба 137]. Первая часть абхазского слова представляет собой a-ʒə ‘вода’, вторая часть не вполне ясна (от ajwə-ra ‘получать’?). В цаленджихском мегрельском кукла называется moč’k’udia, т.е. ‘невеста’, ‘кукла’, ‘хозяйка’ [Контария, Чанба 1987: 52].

---

[1] Отшельник, живший в египетской пустыне в конце 4-го в. и почитаемый в качестве святого как римской, так и православной церковью; его праздник справлялся 12 июня.

9.1.10. Географические термины, рельеф, горы, водоемы

algəd ‘воронкообразная яма’ ([ОК I: 181].

Из абх. a-lgət ‘овраг, балка, впадина’. См. также абхазский топоним a-lgət//lgət, встречающийся в нескольких местах в Бзыпской Абхазии и его вариант a-lgəd(ə) в Абжуйской Абхазии (см. [Кварчия 2002: 582]). На заимствование из абх. a-lgəd указал [Цхадая 1985: 186, 209]. Этимология абхазского слова не вполне ясна, хотя оно, возможно, отглагольного происхождения (для начального согласного ср. центробежный преверб l(ə)- ‘из массы’ как, например, в a-l-g°əg°-ra ‘выпуклость; взбугрённое место’). Ср., с другой стороны, a-g(ə)də ‘безрогое животное’ (?). Во всяком случае, наличие начального a- в мегрельском указывает на его абхазский источник.

apsta ‘река, ущелье’.

Из (абж.) абх. a-psta ‘ущелье, каньон’ ([Кипш 197], [ОК I: 199]); в бзып. a-pśta. Полагают, что абхазское слово содержит старое название ‘воды, реки’ (*pśə), родственное адыг. psə ‘то же’, тогда как конечный -ta является локативным суффиксом (см. [ЭСАЯ II: 16]), т.е. ‘место воды, реки’ (в горах по дну ущелья обычно течет река), что делает мегрельское значение ‘река’ весьма симптоматичным.

arxa ‘скала; холм; крутая гора’ [ОК I: 196].

Метатеза из axra (см. ниже под axira, axəra, axra).

ašta ‘луг, поле’; также топонимический элемент в горной Мегрелии.

Из абх. ašta ‘двор, поляна (особенно перед домом), луг’ ([Цхадая 1975: 34; 1985: 186, 209], [Чирикба 137]), которое, по-видимому, происходит из *jaša-ta ‘ровное место’, состоящего из a-jaša ‘прямой, ровный’ и локативного суффикса -ta (с утратой начального j-).

axira, axəra, axra ‘скала; холм; крутая гора’ [ОК I: 207, 208]; также xərə ‘высокий скалистый склон, откос’ [ОК III: 591].

Из абх. a-xra ‘скала’ [Цхадая 1985: 186]. См. также arxa (выше).

aʒmax-i/ə//azmax-i ‘искусственный водоем, сооруженный рядом с летней стоянкой (təp)’ [Дзидзария 1987: 39], ‘место снаружи скотного двора (*agvara*) для водопоя скота’ [ОК I: 165], ‘лужа, пруд’ ([Цхадая 1975: 34], [ОК I: 165, 204]); также топонимический элемент в Мегрелии.

Из абх. a-ʒmax ‘болото’ ([Цхадая 1975: 34; 1985: 186, 209], [Дзидзария 1987: 39, 1988: 69; 2000: 144], [Чирикба 133, 137], [Гублиа 53]), первая часть которого содержит a-ʒə ‘вода’. Бзыпская форма этого слова – a-ʒmax̱ [БД 60], что предполагает общеабх. *ʒə-maq. Согласно [Дзидзария 2000: 144], это слово встречается также в гурийском диалекте грузинского (из мегр. ?).

9.1.11. Гастрономические термины

ckebzə ‘конусообразно вырезанный кусок сыра в середине приготовленного из кукурузной муки ритуального хлеба используемого во время моления божеству žini antari о приумножении скота’ ([Кипш 195], [ОК III: 360]).

Из абх. a-ck′a ‘(ритуально) чистый’ и a-bzəja ‘хороший’ ([Джанашиа 1915: 77], [Чирикба 133, 135]). Параллелью этого термина в абхазском является a-ck′a-š° ‘(ритуально) чистый сыр (aš° ‘сыр’), используемый во время моления богу ajtar’ (см. Бжания 126).

čemkva, čemxva, čemhva ‘вид каши приготовленной на молоке из сыра и кукурузной муки’ [ОК III: 299], ‘молочный кисель’ [Кипш 364].

Из абх. a-č′amək°a ‘мамалыга из кукурузной муки сваренная с молоком и сыром’ [Чирикба 131]; ср. также абаз. č′amək°a ‘блюдо приготовленное из сметаны, сыра и кукурузной муки’, каб. žamək°e ‘кушанье типа мамалыги из сметаны, кукурузной муки и свежего сыра’, которое считается заимствованием из абазинского (см. [ЭСАЯ II: 193]). Фонетически кабардинская форма должна восходить к *ǯamək°e < *ǯ′amək°e < *č̌′amək^{h}°a. Этимология слова неясна; первая часть может содержать абх. č′a ‘пшеничная мука’ (?).

ela(r)ǯi ‘кукурузная мамалыга сваренная со свежим сыром’ (см. [Кипш 231], [ОК I: 546]) .

Из абх. ajla(r)ǯ′ ‘то же’ ([Чирикба 133], [Гублиа 63]). Абхазское слово анализируется как состоящее из преверба aj+la- в значении ‘совместно в массе’, и корня ǯ′, который [Марр 1926: 11] связывал с глаголом a-ǯ′-ra ‘печь’, объясняя все слово как ‘жареная смесь’, что не совсем удачно семантически (данное блюдо варят, а не жарят). Возможно, есть смысл предположить исходную форму *aj+la-ž′, от глагола aj+la-ž′-ra ‘сваливать совместно в массе’. Сонорный r является, скорее всего, неэтимологическим инкрементом. Согласно [Инал-ипа 1965: 341], в форме elarǯi это слово известно и в грузинских диалектах (из мегр. ?).

mazva ‘плоская лепешка приготовляемая абхазами из муки и меда’.

Из абх. a-maž°a ‘тесто’ ([Schmidt 1950: 19], [Ардзинба 1985: 162], [Чирикба 133], [Гублиа 53]). [Чарая 12] ошибочно усматривал в абхазском заимствование из мегрельского, а последнее считал усвоенным из греч. māza ‘тесто, лепешка’, что не объясняет лабиализации фрикатива в абхазском. Кроме того, сама семантика мегрельского слова указывает на его усвоение из абхазского.

pučxa//punčxa//pinčxa ‘крошка’ [OK III: 113, 120], глагол pučxolua ‘крошить’ [Кипш 340; OK III: 120].

Согласно К. Ломтатидзе, из абх. a-pčxa < a-p+čə+xa//a-pə+č+xa ‘крошка’. Слово имеется также в западногрузинских диалектах: имерет., гур. pučxa//punčxa// pičxa//pinčxa ‘крошка (хлеба и т.п.)’, а также с суффиксальным оформлением: pinčxa-l (см. [Lomtatidze 1989: 49-50]); ср. также лаз. punčxa ‘крошка’. Абх. a-p+čə+xa производно из глагола a-p+č-ra ‘ломать, разбивать’ (преверб p(ə)-), с номинальным суффиксом -xa в значении ‘остаток’). Это слово было обратно заимствовано в абж. абх.: a-pəč′xa ‘крошка’, о чем свидетельствует палатализованный характер č′ (см. [Ломтатидзе 1989: 51-52]), если это смягчение не возникло на собственной почве с целью “диминутивизации” слова. Как относятся к этим словам сван. na-picx ‘крохи’, зап.-груз. prčxvna ‘крошиться’[1]?

xac’a ‘закваска для приготовления йогурта’ [OK III: 524].

Из абх. a-xaac’a ‘то же’ ([Дзидзария 1989: 145], [Чирикба 132], [Гублиа 58]), анализируемого как x(ə) ‘молоко’, преверб aa- ‘сюда’ и глагола c’a ‘класть’. Ср. сходно образованное a-ʒ+aa+c’a-ra ‘класть сюда (aa+c’a) [в] воду (ʒə)’. Альтернативная этимология основывается на технологии заквашивания, когда в молоко клали свинец либо свинцовую пулю (a-xə) для стимуляции процесса закваски; таким образом a-x+aa+c’a ‘пуля положенная (в молоко)’ (?).

xač’o ‘творог’.

Из абх. a-xač″a ‘творог’ ([Чирикба 132], [Дзидзария 2000: 145], [Гублиа 58]). В первой части имеем, вероятно, x(ə)- ‘молоко’, присутствующее в качестве первой части во многих абхазских терминах молочных продуктов, напр. a-xə+r+c°ə ‘йогурт’ (xə ‘молоко’, r+c°ə ‘заквашивать, делать кислым’). Ср. также a-x+š ‘молоко’ (š ‘белый’). Вторая часть (-č″a) неясна. [Гублиа 58] анализирует -č″a как ‘крупинка’, т.е. ‘молочные крупинки’.

[1]Дж. Хьюитт, устн. сообщ.

Сходным образом [Дзидзария 2000: 145] усматривает в -č″a значение ‘крошечный’. Слово проникло также в грузинский: xač’o ‘творог’, откуда xač’a-p’ur-i ‘хачапури, лепешка с сыром’ (p’ur-i ‘хлеб’, из греческого), заимствованное в абжуйский абхазский (a-xač″ap’ər), несмотря на наличие исконного a-č′aš°.

xeč’eti ‘сливки’ (самурз).

Из абх. a-xč″at ‘сливки’ ([Чирикба 131], [Дзидзария 2000: 145], [Гублиа 58]), которое анализируется [Абдоковым 1973: 75] как x- ‘молоко’ и č″at, связываемое им с ащх. č′ata, убых. č′ata, ад. š′ate < *č^{h}′at^{h}a ‘сметана’, что не объясняет наличия глоттализации в абхазской форме. Объяснение абх. č″at, адыг.-убых. č′ata как заимствования из тюрк. čati, sathi ‘крыша’, ‘поверхность’, предложенное [Кварчия 119], не кажется убедительным. Более вероятной этимологией для a-xč″at является контаминация в абхазском заимствованного из адыг. *č^{h}′at^{h}a ‘сметана’ (содержащее *č^{h}′a ‘молоко’) с исконным a-xač″a ‘творог’.

xiǯaǯa//xəǯaǯa//xaǯaǯa ‘молозиво’ [OK III: 526, 565, 592].

Из абх. a-xǯ′aǯ′a ‘молозиво’ ([OK III: 565, 592], со ссылкой на П. Чарая; [Дзидзария 1989: 145; 2000: 144] дает мегр. форму как xǯiǯi). Абхазское слово анализируется как x(ə) ‘молоко’ и a-ǯ′aǯ′a ‘грубый, жесткий’ [Дзидзария 1989: 145].

xozo в xozo-k’vari//xozo-k’ori//xozo-k’oni ‘большие ритуальные конусообразные вареники приготовляемые в начале масленицы, в один из них клали спицу из рододендрона (или грецкого ореха); того, кому доставался такой вареник, ожидало счастье в течение всего года’; ср. также xozo-k’vari-ši č’k’umua ‘поедание вареников в первый понедельник Великого поста’, xozo ‘вид вареников приготовленных из кукурузной муки со свежим сыром’.

По-видимому, из абх. a-x°až° ‘конусообразные, круглые или полукруглые вареники или пирожки, в основном из кукурузной муки, иногда начиненные сыром’ ([Чирикба 133], [Гублиа 52]); в бзып. a-x̲°aź° [БД 64], a-x̲°əž° < общеабх. *q°aź°ə. Ср. также абх. x°až°-k’ə-n ‘время специальной молитвы в течение которой приготовляют ритуальные вареники a-x°až° ’(k’ə ‘держать’, -n ‘время, сезон’), x°až°-k’ə+ra ‘обряд моления с приготовлением ритуальных вареников в первый день масленицы’ (k’ə-ra ‘держание’), x°až°k’əra-mza ‘февраль (или март)’ (букв. ‘месяц держания a-x°až° ’; a-mza ‘месяц’), x°až°-nəh°a ‘ритуальная молитва во время ритуала x°až°k’əra (a-nəh°a ‘молитва’). Ср., помимо этого, абх. a-x°až°-k’°ak’°ar ‘ритуальный конусообразный пирог приготовленный в течение праздн-

ника x°až°k'ərа', когда произносилась ритуальная молитва посвященная Айтару (божеству плодородия и скотоводства), совпадающая с первым днем христианского Великого поста (a-k'°ak'°ar 'лепешка начиненная сыром'). [Чарая 15] рассматривал абх. a-x°až°a в качестве заимствования из мегрельского, хотя, интересным образом, он объяснял само мегрельское слово как 'маленький конусообразный чурек, употребляемый у абхазов при жертвоприношениях'.

Этимологически абх. a-x°až° связывают с названием рододендрона – a-x°až° (см. [Акаба 1984: 52, 54]). Действительно, рододендрон играл особую роль во время этого ритуала. Ритуальные хлебцы, начиненные ритуально чистым сыром, запекали в горячих углях покрыв рододендроновыми листьями [Бжания 126]. В один из ритуальных вареников или пирожков пожилая ритуально "чистая" (т.е. не живущая половой жизнью) женщина клала маленькую рододендроновую палочку, называемую 'счастливой палочкой' (a-nasəp a-c'°ə), либо 'рододендроновой палочкой' (a-x°až° c'°ə) и того, кому выпадал пирожок с этой палочкой, ожидало счастье в течение всего года, в честь чего ему предписывалось устроить пир [Акаба 1984: 52]. Схожий ритуал практиковался мегрелами: "Во время Великого поста к обеду варили усеченные конусообразные пирожки, в один из которых хозяйка дома, перед варкой, тайно втыкала деревянную спицу (c'k'əri); пирожок со спицей называется xozo-k'vari. Тот, кому выпадал пирожок xozo-k'vari, должен был устроить пир" (см. [Кобалия 1903: 102]).

Этимологическая связь слова для ритуального пирожка с названием рододендрона кажется убедительной. [Гублиа 52] предложила альтернативную этимологию: x°a из x°əʒ 'просо' и ž°a из ž° 'варить', что проблематично с семантической точки зрения. О. Каджая переводит мегрельский термин как 'большая вареная лепешка', по-видимому, под влиянием слова xozo 'большой; отдельный' (см. [ОК III: 566]), но см. выше перевод Чарая '**маленький** конусообразный чурек...'. Помимо мегрельского, ср. также в грузинских диалектах: мтиул., имерет. xozo 'крупнозернистый хлеб' [Ghlont'i 758]. Ср. также в грузинском словаре Саба Орбелиани (XVIII век): qwejza 'круглый хлеб'. Н.Я. Марр в [Чарая 15] связывал мегрельское слово с др.-груз. qweza-j 'хлеб', а абх. a-x°až° с имерет. xozo (в [Марр 1938: 32]).

9.1.12. Сезоны

apun-i 'весна' ([Кипш 197], [ОК I: 199]); также apun-oba 'весна' [ОК I: 199].

Из абх. aapən ‘весна’ ([Кипш 197], [Климов 182], [Чирикба 132], [ОК I: 199]). [Чарая 18] рассматривал мегрельское и абхазское слова как генетически родственные. Абх. aapən < *ĥa-apə-nə анализируется как ‘время-перед-период’, т.е. ‘раннее время года‘.

9.1.13. Varia

agaga ‘тень’; ‘худой, тощий’, ‘в ком едва держится душа’ [ОК I: 164], ‘призрак’.

Из абх. a-gaga ‘тень, силуэт’. Абхазское слово может содержать агентивный суффикс -ga, первая часть неясна. О. Каджая предлагает связь мегр. agaga (см. [ОК I: 164]) с мегр. magagia ‘бродяга’ [ОК II: 202] и с глаголом gagap-i ‘идти с трудом, волочить ноги’ [ОК I: 278], что, учитывая абхазское соответствие, кажется маловероятным.

argvata ‘толпа, народ’ ([Кипш 196], [ОК I: 190]).

Из абх. a-g°arta ‘стадо, гурт, отара, стая’ ([Инал-ипа 1965: 216], [Чирикба 134]), связанное с абаз. g°arta, каб. g°arte, ад. k°ert ‘то же’. Данная мегрельская форма получена путем обычной для этого языка метатезы из agvarta (см. ниже gvarta).

ašxara ‘мошенник, негодяй’ [ОК I: 204].

Вряд ли к груз. (из перс.) ašk(’)ara ‘явный, гласный, публичный’ (ср. мегр. наречие aškarat < груз. ašk(’)arad ‘явно, гласно, публично’) из-за семантики. Может быть, из абх. a-šʼxarəwa ‘горец, горный житель’ (?).

bžou ‘глупый, глупец, дурак’; ‘грубый, неотесанный, невежливый’ [ОК I: 259].

Возможно, из абх. jə-bžo-w ‘калека, неполноценный, с дефектом’, производное от a-bža ‘половина’.

c’ic’i-k’vak’va ‘слова в детской игре’ [ОК III: 423].

Возможно, из абх. c’ic’i-k’°ak’°a ‘слова в детской игре’; ср. также c’ic’i-g°ag°a, абаз. c’uc’u-g°ag°a ‘то же’. Абх. c’ic’i-k’°ak’°a рифмуется в детском фольклоре со словом с ajc’ark’°ak’°a ‘кислое молоко с накрошенной в нем мамалыгой’ (Б. Джонуа, устн. сообщ.).

gvarta ‘(большая) волна’, ‘куча’ [ОК I: 320], см. также наречие gvarta-gvarta-d/s ‘кучами’ (там же).

То же, что argvata (см. выше), что предположено и в [ОК I: 320]; на этот раз слово представлено без абхазского определенно-родового ар-

тикля. Ср. также абх. g°arta-k' 'много, большое количество, множество, куча' (-k' неопределенный артикль).

luga 'глупый, дурной (человек)', luga-lala 'глупец-бездельник' [ОК II: 180].

Возможно, из абх. a-ləg < *ləga < *laga 'то же' [Чирикба 132].[1] Кипшидзе [Кипш 274] связывает мегрельское слово с груз. (č)lung-i 'тупой', а Г. Климов производит luga из общекартвельского *blagw- 'тупой, неостырый' (см. [Fähnrich, Sardshweladse 1995: 58]). Дилемма, таким образом, заключается в выборе одной из альтернативных гипотез (заимствование из абхазского, либо исконная связь с грузинским). В абхазском вторая часть слова (ga) функционирует и как самостоятельное слово: a-ga 'глупый, дурной (человек)', которое связано с убых. ag'a 'плохой, глупый' и с адыгским приативным суф. *-g'a (ЭСАЯ I: 93).

q'ala 'сумасшедший', q'ala-ni 'то же' [ОК III: 217].

Возможно, из абх. a-q"ala 'бродячий, блудный; заблудившийся; бродяга', производное от глагола a-q"ala-ra 'бродяжничать; заблудиться; сбиться с толку', которое состоит из корня q"a 'бить', либо q"a 'выскакивать', плюс расширитель корня -la.

q'un-i 'серебряные украшения на ремне, поясе' [ОК III: 214].

Вероятно, из абх. a-q°ənа 'серебряные украшения на ремне, поясе, уздечке, подпругах седла и т.д.'. С абхазским словом связан преверб q°ən(ə)- 'на поясе', а также соответствия в родственных языках: убых. q'ənа 'пряжка, застежка' и, возможно, общеадыг. *q°ənа 'гвоздь' (см. [Chirikba 1996: 222]).

t'at'a 'ласкательный вокатив к детям' (самурз.).

Из абх. t'at'a 'то же'. Ср. абаз. t'at'a 'то же'. Абхазское слово означает собственно 'мягкий'.

t'at'a 'маленькие мягкие вещи'.

Из абх. t'at'a 'мягкий, расслабленный' [Климов 182]; ср. также выше.

vara(j)da, sivarajda 'рефрен в народных песнях'.

Из абх. wara(j)da, səjwarajda 'то же'. Этот же рефрен популярен у адыгов, убыхов и абазин, а от кабардинцев был перенят осетинами [ЭСАЯ

[1] Абаз. laga 'глупый, дурной (человек)' связано, по-видимому, с другим абхазским словом, aj+la+ga 'сумасшедший'.

II: 92-93]. Часть sə- в səj-warajda означает ‘мой’ во всех западнокавказских языках, хотя форма sə-j- (с показателем отчуждаемой принадлежности j-) является только адыгским, что дало повод Г. Климову считать абхазское слово заимствованным из адыгских языков. Помимо мегрельского, данный рефрен известен также среди носителей западногрузинских диалектов и встречается даже в некоторых восточногрузинских диалектах, ср. мохев. varada-varada [Ghlont’i 223]. Ср. также первую часть мегр. vara-nani ‘рефрен в песнях’ (если оно не относится к вокативному vara, см. ниже).

xač’a-mač’a//xič’u-mač’u//xič’-muč’u//xič’ə-mač’ə ‘мелочь, весьма мелкий’ [OK III: 524, 564].

Из абх. a-x°əč”ə-məč”//a-x°əč”ə-mč” ‘мелочь, мелкие вещи’, из a-x°əč”ə ‘маленький’ и аллитерационого повторения слова с заменой первой согласной на m, хотя в принципе и вторая часть может соответствовать абх. a-mač” ‘мало; маленький’. Абх. бзып. a-xəč”-məč” ‘мелкие сухие ветки для растопки’ может быть фонетическим вариантом того же редуплицированного слова (с утерей лабиализации x).

xanga ‘сумасшедший’, ‘невежа’, ‘глупец’, ‘дурак’, ga-xang-eba ‘сделать сумасшедшим’, ga-xang-ebuli, ga-xang-uli ‘сумасшедший’ и много других производных (см. [OK I: 296; III: 512-513]).

Из абх. a-xaga ‘сумасшедший, ненормальный (человек)’, a-xaga-ra ‘сумасшествие’ ([Schmidt 1950: 19], [Чирикба 134], [Гублиа 71]). Абхазское слово анализируется как a-xə ‘голова’, aga ‘глупый, дефектный’. Назальный в мегрельской форме эпентетического происхождения. [Чарая 16] ошибочно предполагал заимствование в абхазском.

xateci//xaceci//xace//xatisi ‘невеста, новобрачная, молодая невестка’ [OK III: 509, 524]).

Из абх. h-taca ‘наша (h-) невест(к)а (taca)’ ([Кипш 396], Марр в [Чарая 44], [Чирикба 133]). Первый c в мегр. xaceci – результат регрессивной ассимиляции.

9.2. Прилагательные

dagva ‘глухой’.

Из абх. a-dag°a ‘глухой’ ([Кипш 221], [Чарая 23], [Климов 182], [Чирикба 133], [OK I: 425], [Гублиа 69]). Ср. также топоним dagva в Западной Грузии. Само абхазское слово считается заимствованием из адыгских языков (см. [Schmidt 1950: 19], [ЭСАЯ I: 146]).

9.3. Наречия

ak'ak'a см. в **5.4.**

mačxoma 'достаточно' [ОК II: 232].

Из абх. mač'x°əwma 'много, достаточно', в сущности, вопросительная фраза значащая 'это(го) мало?' (< mač"+x°ə-w-ma 'мало-стат:наст-вопр.').

9.4. Числительные

ak'a 'один', ak'a c'unsj 'одна минута', 'момент', 'сразу же', ak'a xvale 'единственный', откуда личное имя ak'axvale [Цагарели 1880: 26], ak'a bu(r)cxa 'немного, размером с ноготь', ak'a-žans 'один час', сен. ak'a skua p'unsu 'у меня единственный сын', зугд. ak'a c'uti 'одна минута' и т.д.

Из абх. ak'ə 'один' (класс не-человека) ([Кипш 193], [Марр 1915: 214], [Džanašia 1959: 226], [Чирикба 132], [Гублиа 55]) < общеабх. *(j)ak'a. Сюда же, возможно, также лаз. (атин.) ak'o 'однажды', хотя современные словари дают иную семантику (если это то же самое слово, ср. хоп. ak'onaj, арх. hak'onaji, hak'o, атин. hak'u 'столько', см. [Bucaklişi & Uzunhasanoğlu 1999: 2]). [Чарая 26] ошибочно рассматривал мегрельское и абхазское слова как родственные. [Марр 1915: 214] считал, что мегрельский пресверб ak'o-//ik'o-//ok'o- значащий 'вместе, взаимно, с' содержит абх. ak'ə 'один'. Абхазское числительное ak'ə 'один' и производный от него неопределенный артикль -k' связаны с убыхским суффиксом единичности -k"ə.

ak'ak'a 'по-одному' [ОК I: 170].

Из абх. ak'+ak'a 'по-одному', редупликация ak'ə 'один (нечел.)'. Конечный a в абхазском может быть либо сохранением старой формы, либо старым суффиксом кратности (см. [Chirikba 1996: 369]).

9.5. Междометия

čou//ču межд. для понукания лошади [ОК III: 316].

Возможно, из абх. č'ow//č'u (бзып.) то же. См. также выше, под aču.

(he(i)//ei), vara [ОК III: 134, 632), varə [ОК III: 216] 'вокативное слово, служащее для обращения к кому-либо'.

Из абх. wa-ra ‘ты (мужч.)’, также вокативное слово при обращении к мужчине. Ср. также vara в мегр. vara-nani ‘рефрен в песнях’.

vaj ‘иди сюда!’. Зафиксировано в XVII веке турецким путешественником Эвлия Челеби в его книге *Seyahatname* («Книга путешествий»). В настоящее время, по-видимому, неупотребимо.

Из абх. w-aa+j ‘иди сюда!’ (мужск./класс не-человека) (см. [Джикиа 1936: 115, 123], [Gippert 1992: 44]).

ʔa, ʔah ‘нет’ [ОК III: 216, 218].

Возможно, из абх. ʔah//ʔah-ʔah ‘нет’ (в ащх. ʔah ‘нет’); в абх. также ʔaj// ʔaj-ʔaj ‘нет’.

9.6. Ономастика

Мегрело-абхазские ономастические параллели, за редким исключением, еще не были предметом специального рассмотрения. С точки зрения проблематики данной статьи, можно указать на ряд заимствований из абхазского.

9.6.1. Топонимика

abžua ‘Абхазия’ [ОК I: 163].

Из абх. a-bž′ə+wa ‘Абжуа (исторический регион Абхазии)’. Анализируется как bž′ə ‘среди, между’ и -wa ‘этнический суффикс’ и обозначает срединную часть Абхазии.

aq’u, либо aq’u-ǯixa (‘Аку-крепость’) ‘Сухум’ [ОК I: 200].

Ср. также груз. aq’u ‘Сухум’, aq’u-s cixe ‘Сухумская крепость’. Из абх. aqʷa ‘Сухум’ (абхазское название столицы Абхазии), обычно производимое от a-qʷa-ra ‘каменистый берег, побережье’.

9.6.2. Личные имена

Из усвоенных из абхазского личных имен можно назвать следующие:

bataʔua	< абх. bataqʷa (из адыг.).
bazala	< абх. bazala ((a)baza «абаза» + суффикс -la).
gedlači	< абх. g′adlač′ (из адыг.?).

gudu < абх. g°ə-dəw, букв. ‘большое сердце’.

guǯmaxan(i) < абх. k°əǯ′ma-xan мужское имя (букв. ‘волк-хан’) (мегр. guǯmaxari, видимо, отсюда же).

gwaša < абх. g°aš′a женское имя < адыг. g°aš′e ‘госпожа’.

naweia < абх. naj°ej мужское имя (букв. ‘ногаец’).

temurq’wa < абх. temərq°a мужское имя < тюрк. temur «железо» + каб. q°ă ‘сын’.

zəq’wa < абх. zəq°a мужское имя (ср. также такие мегрельские имена, которые могли проникнуть через абхазское посредство, как geq’wa, šamq’wa, tatarq’ani, sosran, zorq’ani, soulaxi).

9.6.3. Фамильные имена

Целый ряд мегрельских фамильных имен (выделяющихся присутствием абхазского фамильного форманта -ba < pa ‘сын’) имеют абхазское происхождение, ср. alšibaia < абх. alš°ənd-ba, čik’oba-va < абх. a-č′əg°-ba, šxvacaba-ia < a-š°x°ac’aa и т.д. Интересно, что мегрельская фамилия apšila-va сохраняет имя древнеабхазского племени апсилов/апшилов, некогда соседящих с предками мегрелов (ср. несколько более позднюю мегрельскую фамилию apxaza-va, т.е. ‘Абхазов’). В грузинском этот этнический термин встречается в виде топонима apšil-et-i ‘страна Апшилов’ (в «Хронике» Джуаншера XI века). Помимо фамильного имени, древний этнический термин *апшил/абшил* сохраняется в таких мегрельских словах, как abšil+uri uča ‘сорт винограда’ [ОК I: 163-164], букв. ‘черный (uča) апшильский’, а также в прилагательном apšil+uri ‘сорт винограда с белыми ягодами’ [ОК I: 199] Шипящий спирант š как мегрельском, так и в грузинском отражают архаичный свистяще-шипящий сибилянтный спирант (ś), сохраняющийся ныне только в бзыпском диалекте. См. этимологию корня apś-, лежащего в основе автоэтнонима абхазов (apś-wa), в [Chirikba 1991].

9.6.3.1. Фамильный формант -va//-a

-va ‘суффикс фамильных имен’, напр. bok’uč’a-va, apxaza-va, leča-va, mika-va, p’ap’a-va, karda-va и т.д.

Алломорфом этого суффикса является -a (ср. bok’uč’a-a, apxaza-a, leča-a, mika-a, p’ap’a-a, karda-a и т.д.), который Кипшидзе считал производным от -va [Кипш 233], хотя см. дальнейшее обсуждение этимологии последнего. Суффикс -va//-a может иметь своим источником абх. -aa (< *-ĥa) суффикс

мн.ч. класса человека (напр. apswa ‘абхаз’, мн. apsw-aa), используемый также для образования коллективных форм фамильных имен, ср. agr-aa, tar-aa, ž′əj-aa ‘члены фамильных родов Агр-ба, Тар-ба, Жи-ба’ и т.д. (см. [Чирикба 134, 137-138]). Передача абх. -aa посредством -a в мегрельском регулярна – ср. выше другие случаи передачи абхазских слов с “долгим” aa. В таком случае форма -va должна считаться вторичной, где лабиодентальный мог быть обычной эпентезой во избежание зияния в последовательности “гласный + гласный” (напр. bok’uč’a-[*a]a > bok’uč’a-va), ср. сходным образом мегр. ma-va < ma-a ‘я, мол’, psva ‘крыло’, помимо psua, xubu-va ‘Хубуа (фамильное имя)’, помимо xubua и т.д.

Менее вероятным было бы считать старую форму абхазского суффикса множественности -aa, а именно*-ɦa в качестве источника -va. Хотя фонетически интервокальные велярные или поствелярные могут переходить в лабиодентальные (ср. рус. *сегодня*, произносимое [сиводня]), имеется по крайней мере два примера, в которых старый абх. *ɦ передается в мегрельском через γ, а не v, ср. мегр. marγania ‘Маргания (фамильное имя)’ < абх. *maɦan (совр. форма – maan), мегр. γanda ‘ограда’ < абх. *ɦanda (совр. форма – aanda).

Абхазское происхождение мегрельского фамильного суффикса было предположено еще [Марром 1912: 5] (см. также [Марр 1915: 214]), который, однако, связывал его с абх. pa ‘сын’, откуда абхазский фамильный мужской суффикс -ba (см. выше agr-ba и др.). Хотя это остается вероятной альтернативной гипотезой, в таком случае пришлось бы предположить в мегрельском переход b > v. С. Джанашия [Džanašia 1959: 41, 76], не принимая этимологии Марра, производил этот суффикс из предполагаемой им более старой мегрельской формы *-van < -v-an, связывая последний элемент со сванским суффиксом фамильных имен -an. М. Калдани [Kaldani 1980: 69-74], отвергая, в свою чередь, этимологию Джанашиа, связывает мегр. -av-a (производя его от *-v-an) с грузино-сванским суффиксом -el-a, объясняя переход l > v в мегрельском лабиализацией латерального сонорного и переходом лабиализации вперед. Я все же рассматриваю абхазскую этимологию мегрельского суффикса как вполне вероятную. Помимо суффикса -va, мегрельский также заимствовал абхазский женский фамильный суффикс -xe (см. ниже).

9.6.3.2. Женский фамильный формант

-xe ‘женский фамильный суффикс’, ср. zinc’are-xe ‘женщина по фамилии Зинцаре’, zik’i-xe ‘женщина по фамилии Зики’, dadi-xe ‘женщина по фамилии Дадиа(ни)’, mocik’a-xe ‘женщина по фамилии Моцика’ и т.д. [Кипш 400].

Этот же суффикс в форме -pxe используется в западногрузинских диалектах – гурийском, имеретинском и аджарском, ср. гур. gurieli-pxe// guri-pxe ‘женщина по фамилии Гуриели’, beri-pxe ‘женщина по фамилии Беридзе’, rami-pxe ‘женщина по фамилии Рамишвили’, аджар. noγaideli-pxe ‘женщина по фамилии Ногаидели’, dadiani-pxe ‘женщина по фамилии Дадиани’, имерет. čikovani-pxe ‘женщина по фамилии Чиковани’, ratiani-pxe ‘женщина по фамилии Ратиани’ и т.д. (см. [Ghlont’i 556]). В нижнеимеретинском встречается как форма -pxe, так и -xe [Марр 1938: 42]. [Мегрелидзе 1938: 140] отмечает, что в этих западногрузинских диалектах имеется сильный мегрельский субстрат, ср. такие женские формы как ǯa-ši-pxe ‘женщина по фамилии Джа’, t’uγu-ši-pxe//t’uγu-pxe ‘женщина по фамилии Тугу’ и т.д., содержащие мегрело-лазский суффикс генитива -ši, часто используемый в фамилиях. Суффикс -pxe/-xe становится архаичным как в западногрузинском, так и в мегрельском, а его использование в женских формах фамилий, согласно [Мегрелидзе 1938: 134], приобретает иногда насмешливую коннотацию. Ср., например, юмористическую песенку в гурийском, составленную из женских форм фамильных имен [Мегрелидзе 1938: 136]:

ali-pxe, mali-pxe,
bzik’i-pxe, bzik’i-č’ila-pxe,
malazoni mocik’a-pxe.

Женский фамильный суффикс -pxe, указывающий на девичье имя замужней женщины, встречается и в лазском (в его атинском, вице-архавском и хопском диалектах), ср. лаз. gurieli-pxe ‘женщина по фамилии Гуриели’, ǯaq’eli-pxe ‘женщина по фамилии Джакели’, c’ulu-pxe ‘женщина по фамилии Цулу-ши’, murut’i-pxe ‘женщина, чье девичье имя murut’i ’, bost’anǯi-pxe ‘женщина, чье девичье имя bost’anǯi ’ и т.д. (см. [Мегрелидзе 1938: 134; Kojima & Bucak’lişi 2003: 395]). Иногда лазы образуют с этим суффиксом даже мужские формы фамильных имен (напр. c’ulu-pxe-ši), что свидетельствует об ослаблении исходной семантики суффикса и его трансформации в формант фамильных имен, лишенный различий по роду (И. Мегрелидзе). В одном случае этот суффикс засвидетельствован и в сванском фольклорном тексте [Мегрелидзе 1938: 137].

Из абхазского суффикса женских форм фамильных имен -pha, производного из a-pha ‘дочь’ (которое родственно адыг. px°ə и убых. px′ə ‘дочь’ < праабх.-адыг. *px°′ə); в абхазских диалектах этот суффикс также встречается в форме -ha (и исключительно в виде -ha в речи турецких абхазов). Абхазское происхождение мегрельского и западногрузинского

суффиксов было указано уже [Марром 1938: 42]; см. также [Кипш 400], [Инал-ипа 1976: 334], [Чирикба 131, 134, 138-139]. В данном случае, учитывая фонетическое различие мегрельской и западногрузинской форм, можно предположить прямое заимствование этого суффикса из абхазского в западногрузинские диалекты, минуя посредство мегрельского, в отличие от большинства других случаев абхазских заимствований в грузинском. Распространение абхазского женского фамильного суффикса в Мегрелии, Западной Грузии, Аджарии и в Лазистане следует отнести, несомненно, ко времени Абхазского царства (после переноса его столицы из Анакопии в центральной Абхазии в Кутаиси в Западной Грузии), т.е. к IX-X вв., когда абхазский язык, наряду с грузинским, стал престижным языком царского двора и высшей аристократии во всей Западной Грузии (включая Мегрелию). В этом же ряду следует рассматривать и появление в мегрельском абхазского фамильного форманта -va//-a (см. выше).

Несмотря на явный абхазский источник рассматриваемого фамильного суффикса, ряд авторов попытались доказать его картвельское происхождение. [Чикобава 1942а: 26] связывал -pxe//-xe с др.-груз. mqev-al- 'раба', рассматривая -al в последнем как деривационный суффикс, хотя он и выражал сомнение в исконном происхождении mqev-. [Чургулиа 1983: 134] рассматривал -xe как формант колхского (занского, т.е. мегрело-лазского) происхождения, не давая, впрочем, какой-либо его этимологии. Особняком стоит этимология этого суффикса [Мегрелидзе 1938: 137-138], который объяснял -pxe в духе яфетического четырехэлементного анализа. Возражая этим попыткам, [Бгажба 1987: 91] подчеркивал, что рассматриваемый фамильный формант имеет ясную абхазскую этимологию (a-pha > -(p)ha 'дочь'), и что -pxe неизвестно в Восточной Грузии.

С точки зрения письменной аттестации этого форманта в грузинском языке см. имя šani-pxe kočemaj в надписи на одной из арок Пархальского храма (расположенного в исторической провинции Южной Грузии Тао, ныне на территории Турции) и датируемой Е. Такайшвили концом XV – началом XVI века. Комментируя эту надпись, [Такайшвили 1952: 97][1] отмечает, что -pxe представляет собой «чано-мегрельское окончание *пхе* (дочь, женщина)» в женских формах фамильных имен, мужским со-

[1] Давая ссылку на труд [Такайшвили 1952], который содержит упоминание о зафиксированном в этой надписи форманте *-пхе* и комментарий автора, [Мегрелидзе 1964: 262] пишет о ней как о надписи X века, но сам Е. Такайшвили, насколько ясно из его комментариев, датирует надпись концом XV – началом XVI века. Пользуясь случаем, выражаю благодарность Саше Анквабу за предоставление в мое распоряжение отсканированной им копии работы Такайшвили.

ответствием которого является -ʒe, т.е. *Шани-дзе*. Другой известной мне старой аттестацией этого форманта является фамильное имя boboq'va-pxe, встречающееся в одной из надписей XVII века на полях рукописи принадлежавшей Моквскому храму (см. [Джанашиа 2007: 206]).

10. Заключение

Представленный в данной статье материал показывает, что влияние абхазского языка оставило свои явные следы как в мегрельском словаре, так и в морфологии и синтаксисе, что свидетельствует о весьма длительном периоде контактирования и взаимодействия этих неродственных соседних языков. Он служит также поддержкой тезису [Марра 1915: 214] о значительном этническом влиянии абхазов на мегрелов. Наличие некоторых из заимствований или структурных калек с абхазского также в лазском языке, на нынешний день занимающем весьма далекий от абхазского географический ареал, может пролить определенный свет на древнюю геолингвистическую ситуации Западного Закавказья.

Сокращения языков и терминов:

абаз.	абазинский
абж.	абжуйский диалект абхазского
абх.	абхазский
авар.	аварский
ад.	адыгейский
аджар.	аджарский
адыг.	адыгский
анцух. авар.	анцухский диалект аварского
арм.	армянский
ардаш.	ардашенский диалект лазского
арх.	архавский диалект лазского
арч.	арчинский язык
атин.	атинский диалект лазского
ашх.	ашхарский диалект абазинского
батум. абх.	речь батумских абхазов
бацб.	бацбийский
бежт.	бежтинский
бзып.	бзыпский диалект абхазского

верхне-рач.	верхне-рачинский говор рачинского диалекта грузинского
виц.	вицский говор архавского диалекта лазского
вопр.	вопросительный суффикс
греч.	греческий
груз.	грузинский
гунз.	гунзибский
гур.	гурийский диалект грузинского
дарг.	даргинский
джгярд.	джгярдинский говор абжуйского диалекта абхазского
диал.	диалект
др.-абх.	древнеабхазский
дюбек.	дюбекский диалект табасаранского
зугд.	зугдидский говор мегрельского
имерет.	имеретинский диалект грузинского
каб.	кабардинский
карач.-балк.	карачаево-балкарский
кум.	кумыкский
курд.	курдский
лаз.	лазский
лечх.	лечхумский диалект грузинского
мегр.	мегрельский
мн.ч.	множественное число
мохев.	мохевский диалект грузинского
мтиул.	мтиульский диалект грузинского
муж.	мужской род
наст	настоящее время
общеабх.	общеабхазский
осет.	осетинский
осм.	османский
перс.	персидский
праабх.-адыг.	праабхазо-адыгский
пшав.	пшавский диалект грузинского
рач.	рачинский диалект грузинского
рус.	русский
садз.	садзский диалект абхазского
самурз.	самурзаканский говор мегрельского
сам.	самебский (с. Самеба) говор ферийской речи батумских абхазов
сван.	сванский

сен.	сенакский говор мегрельского
стат	статический глагол
суф.	суффикс
табас.	табасаранский
тап.	тапантский диалект абазинского
тем.	темиргоевский диалект адыгейского
тур.	турецкий
тур. бзып.	бзыпский диалект абхазского в Турции
тюрк.	тюркские языки
убых.	убыхский
фер.	ферийский (с. Фериа) говор речи батумских абхазов
хоп.	хопский диалект лазского
цабал.	цабальский говор абжуйского диалекта абхазского
цвыдж. садз.	цвыджский говор садзского диалекта абхазского
шапс.	шапсугский диалект адыгейского

Сокращения ссылок:

БД	Бгажба, Х. Бзыбский диалект абхазского языка (исследования и тексты). Тбилиси: Издательство АН Грузинской ССР, 1964.
Бжания	Бжания, Ц. Из истории хозяйства и культуры абхазов. Сухуми: Алашара, 1973.
Гублиа	Гублиа, Р. Об абхазских лексических заимствованиях в картвельских языках. Сухум, 2002.
Кварчия	Кварчия, В.Е. Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке. Сухуми: Алашара, 1981.
Кипш	Кипшидзе, И. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматиею и словарем. – Материалы по яфетическому языкознанию, т. VII. Санкт-Петербург, 1914.
Климов	Климов, Г. Введение в кавказское языкознание. Москва: Наука, 1986.
Чарая	Чарая, П. Об отношении абхазского языка к яфетическим. - Материалы по яфетическому языкознанию, IV. Санкт-Петербург, 1912.
Чирикба	Чирикба, В. К вопросу об абхазских заимствованиях в мегрельском языке. В: Вопросы языкознания, № 4, 1998. С. 128-142.

ЭСАЯ Шагиров, А. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. Москва: Наука, т. I, II, 1977.

Ghlont'i ghlont'i, A. kartul k'ilo-tkmata sit'q'vis k'ona. meore gamocema. tbilisi: ganatleba, 1984.

Maq' maq'ašvili, a. bot'anik'uri leksik'oni, mcenareta saxelc'odeba. Ботанический словарь. Названия растений. tbilisi, 1961.

NS Nikolayev, S., Starostin, S. A North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow: Asterisk Publishers, 1994.

OK I Kadžaia, Otar. megrul-kartuli leksik'oni. I t'omi (a – v). – kartuli bibliotek'a 7. tbilisi: nek'eri, 2001.

OK II Kadžaia, Otar. megrul-kartuli leksik'oni. II t'omi (z – s). – kartuli bibliotek'a 7. tbilisi: nek'eri, 2002.

OK III Kadžaia, Otar. megrul-kartuli leksik'oni. III t'omi (t' – h). – kartuli bibliotek'a 7. tbilisi: nek'eri, 2002.

Литература

Абаев 1979: Абаев, В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Том. III (S-T'). Ленинград: Наука, 1979.

Абдоков 1973: Абдоков, А.И. Фонетические и лексические параллели абхазско-адыгских языков. Нальчик, 1973.

Аджинджал 2003: Аджинджал, Е.К. К вопросу изучения скотоводческого культа абхазов «Айтар». В: Труды Абхазского государственного университета (часть II). Сухум, 2003. С. 36-43.

Акаба 1984: Акаба, Л. Исторические корни архаических ритуалов абхазов. Сухуми: Алашара, 1984.

Ардзинба 1985: В.Г.Ардзинба, В.Г. Нартский сюжет о рождении героя из камня. В: Древняя Анатолия. Москва: Наука, 1985. С. 128-168.

Ачугба 2006: Ачугба, Т.А. О проблемах национального самосознания населения Юго-Восточной Абхазии (Историко-этнографический очерк). Сухум, 2006.

Бгажба 1987: Бгажба, Х.С. Труды. Книга первая. Сухуми, 1987.

Гамкрелидзе, Иванов 1984: Гамкрелидзе, Т.В, Иванов, В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ прязыка и культуры. Том II. Тбилиси: Издание Тбилисского университета, 1984.

Генко 1928: Генко, А.Н. Абхазский вокализм. В: Известия АН СССР. Отделение Гуманитарных наук, VII-я серия. Ленинград, 1928. С. 45-54.

Гудава 1947: Гудава, Т. Абхазский послелог *х* в занском языке. В: Сообщения АН Груз. ССР, т. VIII, № 3, 1947. С. 193-196.

Дбар 2004: Дбар, С.А. Исторические формы захоронений у абхазов. В: Кавказ: история, культура, традиции, языки. Сухум, 2004. С. 275-286.

Джанашиа 1915: Джанашиа, Н.С. Религиозные верования абхазов. В: Христианский Восток, т. IV, вып. I. Петроград, 1915. С. 72-112.

Джанашиа 1917: Джанашиа, Н.С. Абхазский культ и быт. В: Христианский Восток, т. V, вып. III. Петроград, 1917.

Джанашиа 2007: Джанашиа, С.Н. Черкесские дневники. Тбилиси: Кавказский Дом, 2007.

Джикиа 1936: Джикиа, С. Эвлия Челеби о мингрельском и грузинском языках. В: Советское языкознание, № 2, 1936.

Джонуа 2002: Джонуа, Б.Г. Заимствованная лексика абхазского языка. Сухум, 2002.

Дзидзария 1987: Дзидзария, О.П. К этимологии некоторых мегрельских пастушеских лексем. В: Ахматов, И.Х., Шагиров, А.К. (ред.). Актуальные вопросы лексики и грамматики языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987. С. 38-40.

Дзидзария 1988: Дзидзария, О.П. К этимологии некоторых мегрельских пастбищных лексем. В: Известия XVI (серия филологическая). АбИЯЛИ, 1988. С. 69-70.

Дзидзария 1989: Дзидзария, О.П. Об этимологии некоторых мегрельских названий молочных продуктов. В: Труды Абхазского Государственного университета, т. VII, Сухуми, 1989.

Дзидзария 2000: Дзидзария, О.П. Некоторые абхазизмы, представленные в картвельских языках. В: Хагба Л.Р. (ред.). Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики. Сухум, 2000. С. 142-147.

Званба 1982: Званба, С.Т. Абхазские этнографические этюды. Сухуми, 1982.

Имнадзе 1971: Имнадзе, Н.Е. Звуковой состав мегрельского диалекта занского языка. Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси, 1971.

Инал-ипа 1965: Инал-ипа, Ш.Д. Абхазы (Историко-этнографические очерки). Второе переработанное, дополненное издание. Сухуми: Алашара,1965.

Инал-ипа 1976: Инал-ипа, Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми: Алашара, 1976.

Касландзия 2005: В.А. Касландзия, В.А. Абхазско-русский словарь. Том 2. Сухум, 2005.

Кварчия 2002: В.Е. Кварчия. Топонимика Абхазии. Сухум, 2002.

Кибрик, Кодзасов 1990: Кибрик, А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. Москва: Издательство Московского университета,1990.

Кизириа 1967: Кизириа, А.И. Занский язык. В: Языки народов СССР. IV. Иберийско-кавказские языки. Москва: Наука, 1967. С. 62-76.

Килба 1983: Килба, Э.К. Особенности речи батумских абхазов. Тбилиси: Мецниереба, 1983.

Климов 1968: Климов, Г.А. Абхазско-адыгские этимологии. II (заимствованный фонд). В: Этимология 1966. Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов. Москва: Наука, 1968. С. 289-295.

Климов 1971: Климов, Г.А. [рец. на:] G.Dumézil. Documents Anatoliens sur les Langues et les Traditions du Caucase. IV. Récits Lazes. – В: «Этимология 1968». Москва, 1971. С. 257-259.

Климов 1986: Климов, Г.А. Введение в кавказское языкознание. Москва: Наука, 1986.

Климов 1994: Климов, Г.А. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. Москва, 1994.

Кобалия 1903: Кобалия, И. Из мифической Колхиды. В: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1903, вып. 32.

Контария, Чанба 1987: Контария, М., Чанба, Р. Некоторые вопросы земледельческой культуры (грузино-абхазские этнографические параллели). В: Этнографические параллели (Материалы VII Республиканской сессии этнографов Грузии, 5-7 июня 1985 г., Сухуми). Тбилиси, 1987.

Марр 1910: Марр, Н.Я. Грамматика чанскаго (лазскаго) языка с хрестоматиею и словарем. – Материалы по яфетическому языкознанию, II. Санкт-Петербург: Типографія Императорской Академіи Наук, 1910.

Марр 1912: Марр, Н.Я. К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических. – Материалы по яфетическому языкознанию, т. V. Санкт-Петербург, 1912.

Марр 1914: Марр, Н.Я. Абхазское происхождение грузинского термина bidza *дядя*. В: Известия Императорской Академии Наук. Санкт-Петербург, 1914. С. 142-146.

Марр 1915: Марр, Н.Я. Рец. на: И.А. Кипшидзе, Грамматика мингрельского (иверского) языка. В: Записки Восточного Отделения Императорского Русского археологического общества, т. XXIII, 1915. С. 203-216.

Марр 1926: Марр, Н.Я. Абхазско-русский словарь (Пособие к лекциям и в исследовательской работе). Ленинград: Издание Академии абхазского языка и литературы, 1926.

Марр 1938: Марр, Н.Я. О языке и истории абхазов. Москва-Ленинград, 1938.

Мегрелидзе 1938: Мегрелидзе, И. Лазский и мегрельский слои в гурийском. Москва – Ленинград, 1938.

Мегрелидзе 1938: Мегрелидзе, И. Женские фамильные окончания в южно-кавказских яфетических языках в фольклоре. В: Памяти академика Н.Я. Марра (1864-1934). М.-Л., 1938. С. 152-181.

Павлинов 1893: Павлинов, А.М. Экспедиция на Кавказ 1888 года. Путевые заметки. В: Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического Общества, снаряженными на высочайше дарованные средства. Вып. III. Под редакцией графини Уваровой. Москва, 1893. С. 3-91.

Рогава 1942: Рогава, Г.В. Абхазско-убыхско-адыгейский суффикс *privativum* **ga** в мегрельском. В: Сообщения АН Груз. ССР. Тбилиси, т. 3, № 6, 1942.

Рогава 1956: Рогава, Г.В. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956.

Старостин 1985: Старостин, С.А. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде. В: Древняя Анатолия. Москва: Наука, 1985. С. 74-94.

Такайшвили 1952: Такайшвили, Е. Археологическая экспедиция 1917 года в южные провинции Грузии. Тбилиси, 1952.

Халилов 1989: Халилов, М. Грузинский пласт в названиях растений в некоторых дагестанских языках. В: Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков. Названия деревьев, трав, кустарников. Махачкала, 1989. С. 107-117.

Цагарели 1880: Цагарели, А. Мингрельские этюды. Первый выпуск. Мингрельские тексты с переводом и объяснениями. С.-Петербург, 1880.

Циколиа 1987: Циколиа, М. Абхазско-картвельские синтаксические параллели. В: Резюме докладов симпозиума "Вопросы истории и культуры картвельских языков". Тбилиси, 1987. С. 27, 58.

Цхадая 1975: Цхадая, П. Топонимика горной Мегрелии. Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси, 1975.

Цхадая 1985: Цхадая, П. Топонимия горной Мегрелии (лингвистический анализ). Тбилиси, 1985 (а груз. яз. с русск. резюме).

Чикобава 1942: Чикобава, А.С. Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками. В: Известия Института Языка и Материальной Культуры, т. XII, Тбилиси, 1942. С. 149-167.

Чикобава 1942а: Чикобава, А.С. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси, 1942.

Чиковани 1966: Чиковани, М. Народный грузинский эпос о прикованном Амиране. Москва, 1966.

Чургулиа 1983: Чургулиа, О. Варианты частицы *'хе'* в картвельских языках. В: Известия АН Груз. ССР, 4, Тбилиси, 1983.

Шагиров 1982: Шагиров, А.К. Материальные и структурные общности лексики абхазо-адыгских языков. Москва: Наука, 1982.

Шагиров 1989: Шагиров, А.К. Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. Москва: Наука, 1989.

Шакрыл 1961: Шакрыл, К.С. Аффиксация в абхазском языке. Сухуми: Абгосиздат, 1961.

Шаманов 1974: Шаманов, И.М. Народный календарь карачаевцев. В: Напсо, Д.А. (ред.). Из истории Карачаево-Черкесии. – ТКЧНИИ. Вып. VII. Серия историческая. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1974. С. 302-325.

Шухардт 1899: Шухардт, Г. О географии и статистике картвельских (южнокавказских) языков. В: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Издание Управления Кавказского Учебного Округа. Вып. 26., 1899. С. 47-114.

Элиава 1987: Элиава, Г. К вопросу о топонимах 'ацангура' и 'агуара'. В: Этнографические параллели (Материалы VII Республиканской сессии этнографов Грузии, 5-7 июня 1985 г., Сухуми). Тбилиси, 1987.

Юдин 1997: Юдин, А. В. Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. Москва: МОНФ, 1997.

Bläsing 2004: Bläsing, U. Birnennamen aus Hemşin: Vorarbeiten zur Feststellung undBeschreibung der Birnenarten und ihrer regionalen Namen im östlichen Schwarzmeergebiet. In: Iran and the Caucasus. Research Papers from the Caucasus Centre for Iranian Studies, Yerevan. Vol. 8.1. Brill: Leiden & Boston, 2004, p. 81-129.

Bleichsteiner 1931: Bleichsteiner, R. Beiträge zur Sprach- und Volkskunde des georgischen Stammes der Gurier. In: Caucasica, fasc. 9. Leipzig: Verlag Asia Major, 1931, p. 64-87.

Bucaklişi, Uzunhasanoğlu 1999: Bucaklişi, I., Uzunhasanoğlu, H. Lazuri-Turkuli Nenapuna. Lazca-Türkçe Sözlük. Istanbul: Akyüzyayıncılık, 1999.

Chirikba 1991: Chirikba, V.A. On the Etymology of the Ethnonym /àpŝwa/ 'Abkhaz'. In: The Annual of the Society for the Study of Caucasia, No. 3, Chicago, 1991, p. 13-18.

Chirikba 1996: Chirikba, V.A. Common West Caucasian. The Reconstruction of its Phonological System and Parts of its Lexicon and Morphology. Leiden: CNWS Publications, 1996.

Chirikba 1996a: Chirikba, V.A. A Dictionary of Common Abkhaz. Leiden, 1996.

Chirikba 2003: Chirikba, V.A. Evidential category and evidential strategy in Abkhaz. In: Alexandra A. Aikhenvald, R.M.W. Dixon (Eds). Studies in Evidentiality. – Typological Studies in Linguistics. A companion series to the journal *Studies in Language*, Volume 54. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2003, p. 243-272.

Cik'olija 1969: cik'olija, m. apxazuri enis abzhuuri dialekt'i (Абжуйский диалект абхазского языка). Tbilisi, 1969 (на груз. с рус. рез.).

Cik'olija 1975: cik'olija, m. turmeobiti II sak'itxisatvis megrulis zugdidur-samurzaq'anul k'ilok'avshi. In: Известия АИЯЛИ, т. IV, Тбилиси: Мецниереба, 1975, с. 41-47.

Cik'olija 1977: cik'olija, m. apxazur-kartveluri sint'aksuri p'aralelebi (Абхазско-картвельские синтаксические параллели). В: Известия АИЯЛИ, вып. VI, Тбилиси: Мецниереба, 1977, с. 82-97.

Čubinašvili 1984: čubinašvili, d. kartul-rusuli leksik'oni. tbilisi: sabč'ota sakartvelo, 1984.

Dumézil 1974 : Dumézil, G. Notes d'étymologie et de.vocabulaire sur les langues caucasique du Nord-Ouest (8-10). In: Journal Asiatique, t. 262, fasc. 1/2, 1974, p. 19-29.

Džanašia 1959: džanašia, s.apxazuri ena. В: džanašia, s. šromebi, т. III. Tbilisi, 1959, с. 223-227.

Emiroğlu 1989: Emiroğlu, K. Trabzon-Maçka Etimoloji Sözlüğü. Ankara: Bibliotek, 1989.

Eren 1999: Eren, H. Türk Dilinin Etimolojik Sözlüğü. Ankara, 1999.

Fähnrich, Sardshweladse 1995: Fähnrich, H., Sardshweladse, S. Etymologisches Wörterbuch der Kartwel-Sprachen. Leiden, New York, Köln: E.J. Brill, 1995.

Gippert 1992: Gippert, J. The Caucasian language material in Evliya Çelebi's "Travel Book". A Revision. In: George Hewitt (ed.). Caucasian Perspectives. Lincom Europa. Unterschleissheim/ München, 1992, p. 8-62.

Hewitt 1987: Hewitt, B.G. The Typology of Subordination in Georgian and Abkhaz. Berlin, New York, Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1987.

Hewitt 1992: Hewitt, B.G. Languages in contact in N.W. Georgia: fact or fiction. In: George Hewitt (ed.). Caucasian Perspectives. LINCOM EUROPA: Unterschleissheim/München, 1992, p. 244-258.

Hewitt 1992a: Hewitt, B.G. Another case of the influence of Abkhaz on Mingrelian syntax? In: Catherine Paris (ed.). Caucasologie et mythologie comparée. Actes du Colloque international du CNRS – IV-e Colloque de Càucasologie (Sèvres, 27-29 juin, 1988). Paris: Peeters, 1992, p. 405-409.

Hewitt 2001: Hewitt, B.G. Convergence in language change: morpho-syntactic patterns in Mingrelian (and Laz). In: Transactions of the Philological Society. An international journal for the structure, history and relationships of languages. Vol. 99, No. 1, Blackwell Publishers, 2001, p. 99-145.

Kaldani 1980: ʻkaldani, m. -el/-av supiksis sak'itxisatvis kartvelur gvarsaxelebši. B: Iberiul-k'avk'asiuri enatmetsniereba, t. XXII, 1980, c. 67-74.

K'ank'ava 1965: k'ank'ava, m. mok'le kartul-rusuli leksik'oni. tbilisi: ganatleba, 1965.

Kojima & Bucak'lişi 2003: Kojima, G. and Bucak'lişi, I. Lazca Gramer. Lazuri Grameri. Laz Grammar. Explanations in English Gôichi Kojima & Eylem Bostancı. Chiviyazıları/Mjora Dizisi, 2003.

Lomtatidze 1989: lomtatidze, k.v. sit'q'vis uk'usesxebis erti šemtxveva (Один из случаев обратного заимствования слова). B: et'imologiuri dziebani. tbilisi: mecniereba, 1989, p. 49-52.

Lucassen 1980: Lucassen, W. Loans in Abkhaz. In: Studies in Slavic and general linguistics. Vol. 1. Amsterdam: Rodopi, 1980, p. 253-263.

Memišiši 1988: memišiši, o. kartuli *švind-/šind-* pudzis. In: et'imologiuri dziebani. tbilisi: mecniereba, 1988, c. 90-92.

Mészàros 1934: Mészàros, Julius von. Die Päkhy-Sprache. Chicago, Illinois: The University of Chicago Press, 1934.

Schmidt 1950: Schmidt, G. Abchasische Lehnwortstudien. In: Studia Orientalia. Edidit Societas Orientalis Fennica. XIV: 4, Helsinki, 1950, p. 3-27.

Spencer 1838: Spencer, E. Travels in Circassia, Krim-Tartary. Vol. 1, 2nd edition. Henry Colburn, London, 1838.

Topuria 1967: topuria, v.t. svanuri ena. I: zmna. Tbilisi, 1967 (2-е изд).

Žghent'i 1965: Žghent'i, S. kartvelur enata ponet'ik'is sak'itxebi. rčeuli šromebi. Вопросы фонетики картвельских языков. Избранные труды. Tbilisi, 1965.